СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Пальцем в небо

МАРГАРИТА АРДО

Маргарита Ардо

Вокруг пальца – 2. Пальцем в небо

Серия «Из жизни переводчиков»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42655148

Аннотация

Ты выходишь замуж за иностранца? Богатого, красивого и успешного? Ты едешь в Нью-Йорк?

Погоди кричать «Ура!», всё не так просто! Попробуй-ка выстроить рай с любимым в небоскрёбе, если в чужой стране не все этому рады. А запланированная свадьба, кажется, мешает целой корпорации… Но они еще не знают, на что способна маленькая русская женщина, готовая на все ради любви!

(Все совпадения имен, событий, названий считать случайными)

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 23
Глава 4 35
Глава 5 47
Глава 6 54
Глава 7 79
Глава 8 93
Глава 9 105
Глава 10 118
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Маргарита Ардо
Пальцем в небо

Глава 1

– Сколько раз я тебе говорила, что ты злоупотребляешь своим рабочим положением? – спросила я лукаво.

– Тысячу, – промурчал мой любимый мужчина и дорожкой поцелуев спустился от шеи к груди, потом по животу и вниз.

Придавил мои плечи одной рукой к белой простыне, другой раздвинул бёдра. Я зажмурилась и тут же выгнулась от удовольствия: как тут разговаривать?! И я опять сдалась на нежность моего победителя, вскользь подумав, что простыни в России ничем не отличаются от американских. Особенно когда всё вокруг окутано запахом наших тел. Почти всё… Мне вдруг стало не комфортно, и я повернула голову к дверям, лёжа поперёк на кровати.

В дверях стояла женщина. Наверное, модель. Высокая, стройная, идеальная с каштановыми волосами до плеч, в тёмно-синем пальто поверх узкого платья и массой украшений. Она была зла, как чёрт.

– Джек… – я выставила руки опешив.

Он ничего не понял и повернул голову вслед за моим оша-

левшим взглядом. Побледнел и сказал:

– Это не то, что ты думаешь…

* * *

Я сглотнула. А начиналось всё так хорошо!

Ещё вчера я, Саша Лозанина, двадцать три с половиной года от роду, переводчик, ростом полтора метра и худенькая, как балерина, жила на окраине южнороссийского города, а сегодня утром оказалась на Манхэттене, и первое ощущение было, словно мне арбуз уронили на голову – бац, и звёздочки! Особенно когда я задрала голову к небу, а там сплошные здания: направо, налево, прямо! Всех оттенков коричневого. И узкие полоски ноябрьского неба, в которые упираются лбами небоскрёбы. Сразу стало понятно, почему их так назвали – кажется, что дома подпирают облака, делят пространство, выпирают стены вперёд, словно грудь колесом, и кричат наперебой, как брокеры на бирже. А ты чувствуешь себя маленькой-маленькой.

Мой любимый мужчина Джек Рэндалл, сияющий и важный, как именинный торт, показывал мне то на одно, то на другое с таким видом, будто сам всё тут построил, а не какие-то там Трампы или Рокфеллеры.

Конечно, Джек везде умел почувствовать себя в своей тарелке, но в Нью-Йорке он, высоченный, загорелый, красивый, с тёмными, коротко остриженными, чуть вьющимися

волосами, был в самом центре этой тарелки – сырный шарик в мягком сливочном масле. И горячий, как бутерброд из духовки.

Я же наоборот – головокружительно растерялась. Город под названием «Большое Яблоко» придавил меня мгновенно и размазал. Особенно Даунтаун – там, где Таймс-сквер. Билборды на зданиях, словно телевизоры, которые не переключишь с назойливой рекламы. Пестрят, мелькают, зазывают. Люди, отбойные молотки, стройки. Машины сигналят, гудят и толкутся. Да уж, какие тут соловьи?!

– Ты живёшь в пригороде? – спросила я своего любимого пуэрториканца, надеясь на положенную порцию тишины.

– Нет, что ты! В Мидтауне, почти в самом центре Манхэттена, – радостно заявил Джек. – Смотри, мы проезжаем Бродвей. Правда, красиво?

– Правда, – ответила я, думая, что если нам в спальню будет светить вот такой билборд со спортсменами, мне не заснуть никогда.

Мы снова повернули, и очередная улица показалась мне узкой. Всё из-за растущих вверх бесчисленных этажей, так-то в ней было три полосы одностороннего движения, плюс ещё одна для парковки. А издалека глянешь – телега не проедет. Как говорится, жизнь познаётся в масштабе.

Такси избавилось от пробок и промчало нас по «небоскрёбному» переулку. Здания тут были из современных – уже не коричневые, кофейные и шоколадные, а сплошное

стекло, отражающее небо и тучи.

Несмотря на то что Джек хотел привезти меня в Штаты как можно скорее, нам пришлось задержаться в России на полтора месяца. Переоформление компании на нового владельца, встречи с российскими акционерами, назначения и прочая волокита заняли время.

Кстати, почти столько же, сколько ушло у меня на получение визы в американском посольстве. Бюрократия рулит! В общем, я была не против – милые, пиджачные, толстопузенькие бюрократы дали мне возможность подготовиться к переезду морально и избавиться от токсикоза.

Теперь я чувствовала себя прекрасно, и донимал меня только живот. По идее он должен был расти, но вместо этого отчаянно чесался и скрывал от посторонних глаз нашего с Джеком малышика.

«Ты, балерина, и тут работаешь под прикрытием», – смеялся мой любимый мужчина, который, согласно визе, уже мог называться моим женихом. Но слово «жених» казалось мне смешным и к Джеку не подходило. «Мы поженимся только дома!» – настаивал он, а я не была против, главное – мы вместе.

Такси подъехало к одному из монументальных зданий, и Джек объявил громогласно:

– Вот мы и дома!

Я вылезла из салона и округлила глаза: ого, кажется, мы живём в офисном здании… Опять стекло-стекло до самого

неба. У дверей стоял швейцар! Самый настоящий, чернокожий, в сюртуке с позументами, фуражке и белых перчатках. Даже не знаю, что потрясло меня больше – то, что он бросился забирать у Джека наш багаж, или то, что стеклянные с позолотой двери вели не в какую-нибудь штаб-квартиру ООН, а в холл жилого дома. Отделанный мрамором и гранитом в вариациях кофе с молоком, с ресепшеном, кожаными пуфами и одним диваном.

Через такой мешок картошки на балкон на зиму и проносить стыдно будет. Невольно вспомнился мой разрисованный неприличностями подъезд в Ростове, ободранный лифт со жвачкой на вентиляционной решётке и обалдевший взгляд Джека. Тут лифтов оказалось шесть, а жвачки ни одной, сплошь зеркала и полировка.

До этого момента у меня не было никаких шансов по достоинству оценить весь масштаб демократичности Джека, а она была, как выяснилось, безразмерной…

Лифт привёз нас прямо в квартиру, и обвешанный сумками Джек радостно бросился внутрь.

– Балерина, я так хотел показать тебе! Я дома! Мы дома! – и сделал широкий жест рукой, свободной от чемодана.

– Вау! – снова сказала я, потому что «нифига себе» на русском Джек бы не понял.

Две стены гостиной были сплошь покрыты панорамными окнами, за которыми убегало вдаль небо и верхушки других небоскрёбов. Перед ними не угловой, а скорее полукруг-

лый невероятных размеров бежевый диван, кресло чёрное и кресло белое, чёрный журнальный столик, стеклянный по центру, ковёр бело-бежево-коричневый на весь пол.

Очень всё по-мужски. Без фусечек. Джек на несколько мгновений задержался взглядом на пустой стене между окнами и вздохнул. Наверное, по Пикассо, которого пришлось отдать бывшей жене. Но мой любимый мужчина тут же улыбнулся и ткнул пальцем в окно.

– Гудзон!

А потом, довольный моим поражённым видом, начал сбрасывать с себя куда попало поклажу. Я по русской привычке разулась у входа, поймала изумлённый взгляд швейцара с тележкой, доставившего наши чемоданы, словно в гостинице, и прошла в центр комнаты. Обнаружила коридоры, убегающие в обе стороны.

– Сейчас я тебе буду показывать мой кондо, – сказал Джек, – всего двести квадратных метров!

– Ага… – оробела я, подумав не к месту, что мыть столько стёкол и пылесосить столько полов можно с понедельника по воскресенье, и в понедельник начинать по новой. А потом получить почётное звание миссис Мускул или отбросить копыта…

– А вон там, – показал куда-то мне за плечо Джек, – Рокфеллер-центр. Там Эмпайр-стэйт-билдинг.

Он обнял меня за плечи и рассказывал-рассказывал-рассказывал. А я думала, что позавчера был за балконом пруд с

лягушками, а сегодня Гудзон; что я люблю деревья и природу, а передо мной – «Адская кухня» Нью-Йорка. Я, конечно, не боюсь высоты, но мечтала строить семейный рай с любимым в уютном домике с садом, где бы через несколько месяцев учился ходить наш малышик. Однако перед моими глазами плыли облака, словно собирались постучать мне в окно.

Да, и вам здравствуйте. Теперь я тут поселилась.

* * *

Потом мы разошлись по ду́шам с дороги. Если не считать тот, который оккупировал Джек, периодически издавая звуки плещущегося кита, имелись в квартире две ванные: одна со светлым мрамором, джакузи и зеркалами во всю стену, вторая с отделкой из тёмного камня – видимо, для нелюбимых гостей.

Я искупалась первой и пошла осматриваться. Обнаружила гардеробную, где можно несколько порталов в Нарнию открывать, причём в разных измерениях: полочную, шкафную и обувную.

О! Гладильная доска! А это что?! Шлем и костюм супермена? Хм. Так, спрошу об этом позже. Коньки… Как мало я знаю о своём будущем муже…

В наличии был кабинет, гостиная и две спальни, одна из них с кроватью, на которой даже мой Джек под два метра ростом мог спать хоть поперёк, хоть по диагонали. Думаю,

на ней не только я помещусь, как бы он ни раскидывался во сне, но ещё кот, маленькая собачка и четверо детей.

Я погладила живот ласково – пока ожидается только один. Встала у окна и сказала тихонько по-русски:

– Как тебе, китёнок, вид на Гудзон?

Тёплое, нежное чувство охватило меня в ответ. Может быть, я придумываю, а, может, это любовь моего малышика. Пусть он весит всего семь грамм и совсем крохотулечка, разве это мешает ему любить? Сейчас я его большой, уютный дом, который, как фургончик Элли из Изумрудного города, перенесли на другой конец света. Конечно, с фургончиков виз не требуют и не спрашивают потом паспорт и цель приезда. Я в аэропорту чуть не ляпнула в ответ таможеннику «Я к вам пришёл навеки поселиться…» Вечно меня подмывает на что-нибудь эдакое! Джек, кажется, почувствовал неладное и ответил веско:

– Это моя невеста.

А он даром что пуэрториканец, паспорт всё равно американский, подумаешь, нет права президента выбирать и работать в ЦРУ! Я с гордостью посмотрела на Джека, взяла его за руку и ответила таможеннику:

– Цель визита – замуж.

Тот глянул на моего громадного медведя, на меня, поднял брови и, если б был священником, кажется, не благословил бы. Ну и ладно!

– А мы пойдём в твой офис? – спросила я Джека, когда он

вышел из душа, наконец, в одном полотенце.

– Зачем? – хитро улыбнулся он, утягивая меня за собой в спальню.

Сел на кровать и с томным видом принялся развязывать пояс моего халата. Я положила любимому руки на плечи.

– Я всё ещё твой ассистент, личный. И сотрудник компании «Софт Дринкс Корпорэйтед».

– И?..

Мой халат упал на пол.

– И мне просто любопытно, как оно у вас там? В святая святых… – Я засмеялась: – Ой, щекотно!

А он повалил меня на кровать и принялся жарко целовать мою шею.

– Очень не свято, – выдохнул Джек между поцелуями. – М-м-м, как я хотел сделать это дома…

Наши глаза оказались друг напротив друга. О, мне был знаком этот блеск живых карих радужек!

* * *

Джек пробормотал при виде красавицы-модели:

– Это не то, что ты думаешь…

Мне? Или ей? Я сжалась от обиды и натянула простынь до подбородка. Модель бросила сквозь зубы:

– Ублюдок!

– Как ты попала сюда, Кристал?! – спросил он, и не думая

прикрыться.

В него атомной пулей полетела связка ключей и ругательства. И модель Кристал, театрально развернувшись на каблуках, покинула нашу спальню. Занавес.

Джек поднял с ковра ключи, посмотрел на них так удивлённо, словно это была баллистическая посылка от инопланетян, и развёл руками:

– О ней я как-то забыл.

– Здорово. – Я села на кровати, поражённая. – И много у тебя ещё сюрпризов с ключами?

Джек нахмурился и рявкнул:

– Ты считаешь, что я должен оправдываться?! Я взрослый мужчина и до тебя не записывался в отшельники!

Чудесно. Я поджала губы и принялась загибать пальцы.

– Бывшая жена Моника – раз; Кристал – два; просто любопытно, есть ли три и четыре? А, может, десять?

– Может, и двадцать! – сверкнул глазами Джек. – Я ни перед кем и никогда не отчитываюсь! Имей это в виду!

Голый корсар не желал расставаться со своей свободой. Красивый, но сволочь. Я вскочила с кровати, набросила на ходу халат.

– А ты имей в виду, что завтра я иду в офис. Работать. Командировка у меня, я поняла! – рявкнула я в ответ.

– При чём тут командировка? Я не подписывал…

Я ткнула в него пальцем.

– А стоило бы. Виза невесты, кажется, была фальшивкой?

У вас с этим строго, я знаю. Оформлял бы сразу рабочую. И расходы за счёт компании!

И бросилась прочь из спальни.

Глава 2

Я пробежала необъятную гостиную, совмещённую со столовой, холл с жутким панно во всю стену и белым кожаным диванчиком. Джек за мной.

– Что ты мелешь, балерина?!

Я свернула в длинную, узкую кухню с кучей встроенной техники и шкафчиков, такую белую, что даже налить воду в стакан было страшно. Плевать! Я нервно набрала в стакан воды из-под крана, расплескала лишнее и выпила до дна.

Джек застыл в метре от меня. С ключами красотки Кристал в руках. Гордость не позволяла ему сказать что-то, а меня просто распирало послать его ко всем чертям. Только забавная штука, куда сбегать в Нью-Йорке? И смогу ли, от этого красивенного гада? И ведь стоило бы… Пауза зависла не из приятных. Очень хотелось драться, в лоб ему чем-нибудь заехать. Поэтому я пила третий стакан воды и считала про себя. Как в народной сказке.

– Ещё три, – вдруг сказал он.

– Что три? – буркнула я.

– Набора ключей. У горничной. У мамы. И у друга Филиппа.

Я поперхнулась:

– А другу-то зачем?

– Ну, мы как братья. – Джек шагнул ко мне, отобрал ста-

кан и поднял пальцами мой подбородок. – Дурочка, командировка у неё.

– Скажешь, нет? – Обида ещё плескалась во мне.

– Нет.

– Ты б разобрался, кто ты шеф или жених, – буркнула я.

– Я разобрался.

Он ласково убрал прядь моих волос за ухо, потом вдруг поднял меня на руки и усадил на столешницу. Потянулся к моим губам. Я отпрянула. Он наклонился больше, заставив меня почувствовать затылком один из шкафчиков.

Джек улыбнулся, думая, что припёр меня к стенке, однако я соскользнула и хотела убежать хмыкнув. Не вышло, поймал сзади в охапку. Я принялась шутливо отбиваться, а он целовать. И я растаяла. Повернула голову, что-то заметив краем глаза, и вытаращилась. В дверях стояла симпатичная негритянка.

Да что ж это такое?!

– Простите, сэр, я думала, вы только вечером приедете, – пробормотала негритянка и отвернулась.

Джек спокойно прикрылся мной и сказал:

– Ничего страшного, Эми! Знакомься, моя невеста – Сандра. Она будет жить тут. Знакомься, Сандра, это Эми, моя горничная. Уверен, вы подружитесь.

Негритянка улыбнулась. Банальное английское «Nice to meet you»[1] прозвучало не банально, ибо как-то не привычно

---

[1] Приятно познакомиться (англ.)

было служить щитом для голого мужчины и при этом знакомиться с прислугой. Хорошо было только одно – окна мыть здесь явно придётся не мне. И я улыбнулась в ответ на сдержанную улыбку негритянки. Она не была радушной, скорее просто вежливой, потому что сквозь неё сквозило «сколько вас тут было-перебыло…». За что очень захотелось дать в глаз. Ему или ей, не знаю. Эми, к счастью, догадалась оставить нас наедине.

Я развернулась к любимому.

– Похоже, тебе нужно одеться.

– Ну, мы не доделали начатое… – промурчал Джек.

– И не доделаем, пока не встретим твою маму, друга, посыльных, швейцара или не забаррикадируем ко всем чертям лифт, ведущий в квартиру.

– Серьёзный подход.

– О да. И почему они все не разуваются? – возмутилась я, вспоминая сразу уборщицу в школе, требующую сменку и ворчащую «ходють тут всякие».

– У нас нет вашей дурацкой привычки. Только русские могут ходить в гостях в костюме от Армани и в носках! Это же унизительно! Почему не в трусах? – заявил Джек.

– Ну, тут, как я вижу, принято принимать гостей нагишом. И, кажется, никто этому не удивлён.

– Что ты хочешь, Кристал меня и так видела. И Эми доводилось, потому что иногда утром я не успеваю одеться, как она уже со своим пылесосом.

– Потрясающе… С ней ты тоже?.. – возмущённо спросила я.

– Э-э, нет. С Эми у нас сугубо деловые отношения. Горничная она замечательная, Моника хотела её переманить – не вышло. Были бы настоящие кровавые торги, если б Эми не сказала сразу, что останется работать у меня, а не у этой взбалмошной стервы, – сообщил Джек.

– Мило.

– А насчёт вашей дурацкой русской привычки оставлять обувь у входа… Да меня даже индусы не заставляли! Я вообще хотел развернуться и уйти, когда жена Игоря предложила мне разуться в коридоре и всучила убогие тапочки. А ещё званный ужин!

– Это же нормально – не нести в дом уличную грязь, – пожала я плечами.

– Ты видишь здесь грязь?

– На долю твоей горничной приходится много тяжёлой работы.

– Организуешь профсоюз? – хмыкнул Джек.

– Нет, организую бахилы у входа. Как в музее. – Я показала ему язык. – Поменяю ключи и повешу на дверях лифта замок. И давай уже одевайся. – Я открыла холодильник – там было стерильно чисто – ни крошки, ни маковой росинки. – Я есть хочу. А еды у нас нет.

– У нас, – пробормотал Джек. – Это забавно звучит.

– Назвался женихом, полезай в кузов, – хихикнула я.

– Какой ещё кузов? Зачем в кузов? – заморгал Джек, следуя за мной.

Я выглянула из кухни – расчищен ли путь в спальню от горничных, моделей и прочих неприятелей, и повела Джека за собой.

– Это русская поговорка, – ответила я заинтригованному жениху.

– Очень странные вы, русские. Зачем женихов возить в кузове?

Я обернулась на него и, смеясь, дала свою трактовку собственному корявому переводу:

– Потому что женихов может быть много, а мужем станет только один. Если заслужит.

– Я не понял, балерина, это намёк? – насупился Джек. – У тебя всё же кто-то есть на примете? Ты же сказала «да»! И ты носишь моего ребёнка!

Я прошла в спальню не отвечая. Он догнал меня, не на шутку взволнованный.

– Эй, балерина! Что это ещё за штучки?

Я закрыла дверь, краем глаза увидев чернокожую Эми, и ответила уже совершенно серьёзно:

– Это, конечно, шутка. Но ты, Джек Рэндалл, имей в виду: жена у тебя тоже может быть только одна. Не просто жена, женщина. Это моё условие. И если ты не согласен, оформляй мне командировку, и я, выполнив всё, что велит мой босс, вернусь домой. В Россию.

– Сандра, ты с ума сошла?!

– Я не навязываюсь. Никогда. Но если ты хочешь видеть во мне невесту и жену, тебе придётся уволить меня с должности ассистента и признать равноправным партнёром.

– Узурпатором, – пробурчал Джек.

– Да, пока смерть не разлучит нас. Или нет. Никогда не поздно передумать и раздать ключи от кондо половине Нью-Йорка.

Джек молча смотрел на меня, карие глаза его потемнели, стали почти чёрными. Я ждала. Он накинул халат, завязал пояс, сел на край кровати.

– Я сказал тебе, что люблю, разве этого мало? – наконец, чуть хрипло и обиженно спросил Джек.

– Нет. Этого много. Это для меня всё, – тихо ответила я. – Но я просто… не хочу, чтобы однажды мы делили картины или горничных, чтобы всё вдруг стало банально, как в плохом кино… Я не хочу, чтобы всё кончилось, когда я к этому буду не готова.

– А сейчас… – Он сглотнул. – Ты готова?

Я подошла и села рядом.

– Не знаю. Пока всё так нереально хорошо, что трудно поверить… И вообще трудно… Может, смогу жить дальше… – У меня дыхание перехватило от мысли, что его не будет рядом, и наша сказка закончится. В груди образовался тяжёлый ком, и я призналась: – А может, просто умру…

Пауза на этот раз была недолгой.

– Балерина, – нежно сказал Джек, обнял и зарылся носом в мои волосы. – Я тебя хочу. Я не хочу других.

– И я тебя… – прошептала я.

И тоже обняла. Мы посидели немного, как два родных старичка на лавочке. И я подумала, что хорошо бы и правда когда-то быть старенькими и смешными и сидеть в парке, зная, что где-то счастливо живут наши дети, а мы провели долгую-долгую жизнь вместе, не теряя зря ни секунды счастья.

– Тебе не понравился мой дом? – спросил Джек, отстранившись, чтобы видеть моё лицо. – Только говори честно.

– Понравился, – вздохнула я. – Больше всего мне понравилось то, каким счастливым ты выглядишь тут. А остальное, к этому надо привыкнуть… Если б я смотрела на такую квартиру в Интернете, на такие улицы, на вид из окна, я б сказала: ого, супер круто! А к тому, что это на самом деле… что я тут буду жить, уже живу… Что тут можно ходить босиком, кидаться подушками, варить на завтрак кашу или жарить картошку, всё это пока не кажется реальностью. И внезапные гости…

– Все будут звонить. Я скажу швейцару. А готовить тут можно не только картошку, я тебе такое приготовлю! Пальчики оближешь, – засиял Джек.

– Пальчики я бы облизала, – призналась я. – Очень хочу есть. Съем слона.

– Слона не обещаю, но прекрасный стейк и море вкусностей могу гарантировать. Одеваемся!

– Джинсы или как?

– Как хочешь! – Джек по-королевски широко махнул рукой, а это значило, что можно не мучиться на десятисантиметровых каблуках.

Я облачилась быстро в любимые джинсы, с сожалением отвергла кроссовки и свитер. Выбрала стильные сапоги на квадратном каблуке, рубашку и клубный пиджак под пальто. Серёжки, шарфик, макияж – оружие к бою! Всё-таки надо быть готовой к любому стечению обстоятельств в этом большом чужом городе. Если в квартиру заявляются все кто ни попадя, неизвестно что ждёт меня на улице – встреча с его бывшей супругой или парад моделей…

Я ещё не знала, что совсем скоро случайные посетительницы в спальне покажутся мне не такой уж серьёзной проблемой…

Глава 3

– Ну, что, жжём мосты? – спросил Джек, когда мы оба были готовы к выходу.

– Бруклинский[2] или Ворошиловский[3]? – с улыбкой спросила я.

– Оба, – сказал мой любимый мужчина и увлёк меня за собой в кабинет.

Положил передо мной чистый лист бумаги.

– Пиши.

– Что?

– Заявление об увольнении.

Я моргнула, но без слов взяла в руки какую-то страшно фирменную ручку с непременным логотипом Оле-Ола.

Сколько их у него, именных? Стало слегка боязно: зарплата больше не будет мне капать на карточку, а как просить у Джека деньги? Как-то неловко. Впрочем, думать об этом надо было до покупки билета в Нью-Йорк. Я мысленно махнула рукой и лёгким росчерком пера спалила оба моста и ещё десяток в придачу.

---

[2] Бру́клинский мост – один из старейших висячих мостов в США, его длина составляет 1825 метров, он пересекает пролив Ист-Ривер и соединяет Бруклин и Манхэттен в городе Нью-Йорке

[3] Ворошиловский мост – мост в Ростове-на-Дону через реку Дон. Построен в 1961–1965 по проекту инженера Н. И. Кузнецова и архитектора Ш. А. Клеймана

– Документы с собой захвати, – ненароком заметил Джек.

– Зачем?

– Надо.

Ох, и любитель же он сюрпризов! Я похлопала рукой по сумочке.

– Всё моё ношу с собой.

– Немного твоего, – хмыкнул Джек. – Пока…

* * *

Надо же! Выходя раньше из такси, я и не поняла, что наше здание было угловым – тогда всё моё внимание привлёк швейцар. Теперь же я рассмотрела, что по правую руку шло шоссе и пустое пространство. Светофор висел, казалось, над самой рекой – бело-серым Гудзоном. Шоссе разделяла полоска грустных, голых деревьев над порыжевшей травой. И снова в глаза бросились разбегающиеся в разные стороны жёлтые жуки – такси.

Да уж, с ума сойти – мы на самом деле в Нью-Йорке! Волнение вместе с экстазом заставило биться моё сердце сильнее. Могла ли я подумать об этом, устраиваясь всего лишь в августе секретарём к залётному антикризисному менеджеру в компанию «Софт Дринк Корпорэйтед»? Можно ли было представить, когда он орал на меня, требовал срочный перевод, кидал стулья в вороватых менеджеров и устраивал революцию в отделе продаж, что тот самый грозный шеф будет

держать меня за руку и смотреть вот так, как сейчас? В моей жизни он тоже устроил революцию.

Я взглянула на Джека, стильного в своём недлинном бежевом пальто, с бордовым шарфом, повязанным поверх, и такими же перчатками, ботинками в тон, джинсами – это уже в тон к моим. Надеюсь, я выгляжу так же неплохо? Я оглянулась на отражение в стеклянной двери. Вроде бы ничего…

Мимо в невероятном лапсердаке прошла типичная американская бабушка с завивкой на коротких седых волосах и с ярко-красной губной помадой на сморщенных губах. Она поправила очки и заулыбалась, глядя на нас. По-доброму, словно вспомнила о чём-то своём.

У меня отлегло от сердца. Да и отражение в стекле сообщало: несмотря на то, что моя кудрявая макушка высится на уровне Джекова плеча, миниатюрность моя была вполне стильной. Под стать Джеку.

– Итак, запоминай, балерина, – сказал мой любимый мужчина. – Мы живём на Западе, на углу 12-й и 42-й улиц. Центр вон там. До лучшего в мире стейка идти 15 минут, ехать почти столько же.

– Тогда идём.

И мы пошли. Мимо основательных фундаментов, из которых росли небоскрёбы с роскошными подъездами и массой всяких заведений на первых двух этажах.

– Тут неплохой кофе, – говорил Джек, – а вот тут на углу – супермаркет, продукты хорошие, органические, можно даже

не смотреть на этикетки. Когда лень идти, можно заказать по интернету, у них есть доставка.

– Это же два шага, – засмеялась я, – если дома сидеть, ноги отвалятся за ненужностью.

– Верно. Сюда можно не заходить, тут сплошной шмурдяк, а вон там, видишь, Ollie's. Неплохая китайская лапша, хотя я не любитель. Если умираешь от голода, можно перехватить. Или пойдём до стейка?

– Пункт назначения не меняем, – рассмеялась я.

– О'кей, только вот сюда зайдём на минутку. – Джек указал рукой в перчатке на очередную вывеску.

– Банк? Зачем?

– Балерина, не задавай глупых вопросов.

Едва мы вошли в отделение Ситибанка, ничем не отличающееся с виду от нашего на Большой Садовой, Джек вальяжно сел в кресло и заявил менеджеру:

– Мне нужно открыть дубль карты для моей невесты. Срочно. Сразу. Без ограничений. Садись, Сандра.

Я опешила и весьма неэлегантно плюхнулась на диванчик напротив. Девушка-менеджер метнулась за формулярами. Мой любимый мужчина заметил:

– Чтобы полюбить Нью-Йорк, нужны деньги. А я хочу, чтобы ты его полюбила, как я. И покупала то, что считаешь нужным. Я тебе доверяю. Я знаю, что ты ответственна и разумна, и не купишь пару самолётов по бросовой цене.

– Не куплю… – пробормотала я. – Спасибо, Джек.

– Доставай документы, балерина. Мосты сожжены, строим новые! – ответил мой мужчина и подмигнул.

Всего полчаса, и я шла по той же 42-й улице, так же за руку с любимым бывшим теперь шефом, разве что внезапно разбогатевшая на энное количество миллионов долларов. Его долларов. Или наших?..

Ого и ой!

* * *

Как ни странно, ничего не случилось! Кроме моих удивлённо-восторженных воплей при виде небоскрёба «Нью-Йорк Таймс». Ведь когда-то я мечтала стать журналистом, и мне даже снилось, что работаю я в этом огромном медиа-агентстве, яркая, рыжая и уверенная в себе. Лет эдак в четырнадцать. Неужели сон был вещим?!

Джек скептически отнёсся к моему рассказу про сон: мол, даже американским журналистам попасть сюда – равно вытащить счастливый билет…

А мне в голову закралась шальная мыслишка: мало ли? В дипломе у меня написано – филолог-лингвист, писать мне нравится, в школе и универе я всегда участвовала в организации всяческих газет. В бутике, когда работала продавцом, составляла рекламные тексты для радио, перед «Софт Дринкс Корпорэйтед» я вообще устроилась на должность младшего редактора в местное захудалое издательство… В

общем, с буквами я дружу. Ну-ка, скажите, кто работает в Нью-Йорк Таймс? Люди. А я кто? Человек. Всё сходится! Я могу там работать!

Не люблю, когда мне говорят: не получится, не выйдет, не пытайся. Так неинтересно. Взялась я, к примеру, на первом курсе себе пальто шить. Подружка Таня говорила: «Ты что! Для этого надо быть профессиональной швеёй». А я потом в этом пальто проходила три курса. Подумаешь, с подкладкой накосячила, и местами вышло кривовато, но ведь вышло же… Цели влекут, когда большие, и когда от них в груди что-то зажигается. Вот и у меня сейчас огонёк вспыхнул. Словно электричество пробежало и под коленками приятной дрожью рассосалось.

– Нам в соседнее здание, – сказал Джек и оторвал меня от залипания на двери медиа-монстра к другим панорамным стёклам, значительно пониже, – в «Вольфганг стейк хауз».

Тут царило лаконичное ретро с роскошью натурального дерева, белоснежных скатертей, массивными люстрами без излишеств и с залами, отгороженными друг от друга громадными шкафами-стенами, где вместо полок в одинаковых ячейках хранились коллекционные вина, а ряд красивых, изумрудных бутылок с разными этикетками поверху извещал о том, что и внутри хранится не шмурдяк. За стеклом была даже лесенка. А вот аншлага в залах не наблюдалось.

– В пятницу вечером тут не протолкнуться, – сообщил Джек.

Расправляясь с сочным стейком и с трудом сдерживаясь, чтобы не урчать от удовольствия, как моя кошка, которой перепало деликатеса, я слушала рассказы Джека и была счастлива. Хотя мысль о журналистике всё равно крутилась в голове. Ну, подумаешь, сейчас я беременная, малышик родится, подрастёт, и я останусь без дела и работы? Как-то это не по мне. Жизнь должна быть разной, тогда её интересно жить.

– Знаешь, – вставила я в паузу между стейком и словами о том, что Нью-Йорк не спит даже ночью, – а в университете я специализировалась на американской литературе.

Джек с изумлением воззрился на меня.

– У меня курсовая называлась «Символизм в американской поэзии конца 19-го, начала 20-го века». Ты любишь поэзию?

– Хм, ну, если красивые стихи…

– Послушай, это Роберт Фрост. Очень загадочное и непередаваемое по атмосфере стихотворение. – И я начала цитировать:

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village, though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake

The darkest evening of the year.

He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark and deep,
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

Чей это лес – я думаю, что знаю;
В деревне дом его, у края;
Он не увидит, что я здесь
Стою, смотрю на снег и лес.

Коню, должно быть, не понять:
Зачем стоять и созерцать
Меж лесом и прудом замёрзшим
В ночь, где и звёздам не сиять.

Встряхнёт главою жеребец —
Спросить, в чём дело, наконец.
В ответ лишь тишины дыханье
И снег, и стук наших сердец.

Лес тёмен, сказочен, красив,

Но обещанья огласив,
Я еду, обо всём забыв,
Я еду, обо всём забыв[4].

В полупустом зале с высокими потолками мой голос прозвучал отчего-то громко. Джек поражённо молчал. И вдруг из-за спины кто-то хлопнул несколько раз в ладоши и сказал старческим голосом:

– Как чудесно, когда молодёжь знает классиков!

Я обернулась: за соседним столиком сидел колоритный, седой как лунь, старичок в клетчатой красно-зелёной бабочке, в ярко-жёлтом пиджаке на голубую рубашку, с коричневой от загара кожей, обтягивающей скулы, как пергамент.

– Извините, не удержался, юная леди! Вы прекрасно читаете, несмотря на своеобразный, едва уловимый акцент.

– Я русская, – улыбнулась я. – Спасибо!

– О! Как неожиданно! Улыбка у вас ещё лучше, чем голос, – закивал дедулька и подмигнул Джеку: – Вам досталась жемчужина, молодой человек! Берегите её!

– Благодарю, да, – ответил мой любимый мужчина и почему-то закашлялся.

– Всё! Простите старика за вторжение. Не буду вам больше мешать, – тот поднял обе ладони. – Спасибо за удовольствие и желаю прекрасного обеда!

Мы вернулись вниманием друг к другу.

---

[4] Перевод Г. Манукян

– Ты полна сюрпризов, балерина! – заметил Джек. – Как ваша национальная куколка матриошка: открываешь одну, а внутри ещё одна; открываешь её, а там другая. И с новыми узорами…

Я кокетливо пожала плечами, было приятно. Едва сдержалась, чтобы не добавить, как кот Матроскин: «Я и крестиком вышивать умею…»

Хотелось бы почивать на лаврах и любоваться бриллиантовым колечком на пальце – тем, что он вручил мне в родном городе при свечах. Но бабушка говорила: если хочешь, чтобы мужчина был с тобой, удивляй! Дедушка, кажется, до самой седой лысины удивлялся и был влюблён в неё, как юноша. Поэтому и моё завоевание продолжается. Я ещё найду, чем удивить Джека и завтра, и послезавтра! Главное, чтобы не полысел в итоге…

* * *

Джек протянул руку и коснулся пальцами моей ладони, погладил нежно между большим и указательным пальцами.

– Завтра приходи в себя с дороги, балерина. Я пойду в офис, а ты осваивайся. На послезавтра я записал нас на приём к врачу. А потом у нас большой выход. Жена главы корпорации устраивает благотворительный ужин. Там будут значимые для меня лица, и они хотят видеть тебя.

– Меня?! Они обо мне знают? – уточнила я.

– О да, – хмыкнул Джек, хотя во взгляде его сквозило что-то загадочное, пока непонятное мне междустрочье. – Некоторые из совета директоров до сих пор удивляются моему решению инвестировать в завод в России.

Сердце невольно ёкнуло, я вспомнила, что кто-то из верхушки компании видел записи с камер слежения с нашими поцелуями в офисе. Смотрины, если это будут они, обещают быть с перчинкой. Я поморщила нос.

– А, может, как-нибудь потом?

– Не придумывай, Сандра, – рассмеялся Джек. – Купишь платье, тут как раз неподалёку Сакс[5]. Оближут, оденут, обуют…

– Главное, чтобы не надули, – буркнула я.

– Неужели ты боишься?

– Я?! С чего ты взял?

Я ничем не показала, что в животе всё порядком похолодело. Вряд ли получится построить светских львов и львиц, как в старой советской «Золушке» «встаньте дети, встаньте в круг». А в висках затикал вопрос: интересно, сколько из них злобных мачех?.. Сколько бы ни было, придётся обаять.

– Вот и умница, – сказал мой любимый мужчина и улыбнулся своей улыбкой истинного корсара.

Я распрямила плечи. Мне не страшен шелест шёлковых платьев и бряцанье бриллиантов! Итак, держись Нью-Йоркский бомонд, я иду! Вперёд на амбразуры!

---

[5] Знаменитый универмаг Нью-Йорка

Но вдруг Джек добавил:

– Давай докажем этим гадам из совета директоров, что женитьба на русской – не такая плохая штука, как они считают.

Что?!

Глава 4

Синяя Борода проверял жён на вшивость, вручив им ключ от тайной комнаты, куда запрещал входить. В народной, Бог его знает какой, сказке, жених выбирал невест, проверяя, как тонко они срезают корочку сыра. Джек переплюнул всех: открыл мне карточку с миллионами и предложил подготовиться самой к Благотворительному ужину Гала, сказав, что надо выглядеть красиво. Мило при этом улыбнулся и уехал на работу.

Ещё не остыл чай в кружке, а меня уже одолела паника. Красиво – это как в данном случае? Вечернее платье? Или брюки? Элегантный стиль? Клубный? Как вообще проходят такие ужины?!

Интернет чего только не выдал в картинках: от условно-прозрачных неприличностей до строгих костюмов. Как выбрать нечто среднее? Таня в мессенджере задумалась и сказала:

– Надо что-то не слишком откровенное, учитывая все эти записи со скрытых камер. Но женственное. Думаю, ближе к вечернему. Прости, я уже сплю…

Эх, и почему она не рядом? И даже во времени разница семь часов! К панике добавилось ощущение одиночества. Словно я стою одна где-то посередине неба, среди ветра и серых облаков. А важному Гудзону и небоскрёбам наплевать.

Чтобы избавиться от давящего чувства, я набрала своих. Дина тоже была оффлайн, а обычно не спит в это время. Вчера вечером мама с экрана промурлыкала что-то про самолётики и инопланетян, Дину я так и не видела. Зато сиделка, которую оплачивал теперь Джек, отчиталась о лекарствах, продуктах и порядке. Можно было б рассердиться на Джека, но как?

Если честно, я ещё комплексовала. Сильно. До подступающих слёз. Слишком часто мне говорила бабушка Дуся, что никто меня замуж не возьмёт из-за моих нездоровых мамы и сестры, и это столько раз подтверждалось поведением молодых людей, якобы влюблённых. Смельчаков не находилось. А мой любимый мужчина не испугался, и даже пути-решения предложил. Единственный из всех!

Я вздохнула. Нет, я не могу его подвести! Хоть и не нравится ощущение, что меня снова проверяют.

Увы, никто не обещал, что будет легко. А всегда хочется, чтобы счастье – бац, и пожалуйте, на блюдечке с голубой каёмочкой под чашку кофе… Ладно, не прошло и нескольких месяцев, как основной моей проблемой было «что поесть» и «на что». Теперь проблема «какое платье купить» кажется не менее серьёзной. Может, всё дело в мозге? Бурчит себе и бурчит, негодник…

Чтобы не краснеть перед горничной, я заправила постель, вымыла посуду после завтрака и, одевшись потеплее, отправилась на Пятую авеню, как сказал Джек.

* * *

Такси домчало меня в знаменитый универмаг Сакс, монументальный, с массой американских флагов на фасаде, развеваемых ноябрьским ветром. Я решительно ступила в святая святых нью-йоркского шоппинга, но через час снова растерялась.

С утра он был полупустым, продавцы были готовы взять меня в оборот, а платья вызывали недоумение. Вон то блестящее – наверное, слишком короткое, а то в кружевах – чересчур роскошное. В красном шёлковом я утонула, и в брючном костюме тоже. Карточка жгла пальцы даже через кожу сумочки и портмоне.

Скоро у меня закружилась голова, начало тянуть поясницу и внезапно затошнило. Милая пожилая дама указала мне, где туалет. И я, ломая каблуки, бросилась туда. Едва успела в кабинку…

Когда я вышла к сверкающему умывальнику, красная от смущения и едва не вывернутая наизнанку, меня чуть не сбила с ног невысокая, красивая, ухоженная мулатка с высветленными волосами. Извинилась и вдруг затормозила, глянув на меня внимательнее.

Вот кто знал толк в стиле! Кажется, у неё даже колготки были стильными. Не говоря уже о манто, сапожках и умопомрачительном платье. Я взглянула на неё жалостливо и

вздохнула.

– Эй, детка, беременна? – вдруг спросила мулатка.

Я кивнула и снова вздохнула. Женщина покопалась в сумочке и вдруг извлекла на свет коробочку:

– Возьми, имбирные леденцы. От токсикоза прекрасно помогают.

– Не знаю, как вас благодарить…

Та усмехнулась.

– Пустяки!

– Вы такая красивая, – ещё грустнее вздохнула я. – Даже лицо кажется знакомым…

Мулатка рассмеялась приятным, грудным смехом.

– Удивительно почему, детка.

– Не знаю, я только второй день в Нью-Йорке… – И вдруг я осмелилась. – Простите, а можно у вас спросить?

– Давай.

– Вы наверняка знаете, где лучше покупать наряды для светских выходов. К примеру, для благотворительного гала-ужина… Я как-то растерялась среди всех этих магазинов. Не знаете, куда пойти? С деньгами я не испытываю сложностей, а вот с выбором… И подсказать некому, я тут совсем одна. А событие для меня такое важное… Вот… Простите, если это неуместно…

Мулатка склонила благосклонно голову и улыбнулась:

– Это не сложно. Пойдём, милашка, буду твоей феей-крёстной. Это даже забавно. Ты откуда? У тебя приколь-

ный акцент.

– Из России.

– О, как это экзотично! Там много снега…

– Но медведи по улицам у нас не ходят, – улыбнулась я ей, расслабляясь, – и водку все подряд не пьют.

Мы засмеялись вместе, и я пошла за ней, чувствуя расположение и благодарность. И всё-таки, откуда её лицо мне знакомо? Кажется, наверное… И вдруг японские туристки зашептались, тыкая пальцем в мою спутницу:

– Дайонс, Дайонс!

Упс! А слона-то я и не признала…

* * *

– У каждой женщины есть своё идеальное платье. Причём разное на свой случай. Запомни, милашка! – Звезда поп-музыки и хип-хопа Дайонс улыбнулась мне почти по-матерински. – Если глаза загорелись и хочется обладать, бери сразу! Внутреннее чувство не обманешь! Ну как, полегчало от леденцов?

– О да, спасибо, больше не тошнит!

Я кивнула именитой спутнице, удивляясь самой себе и стечению обстоятельств. Звезда была роскошной, но при этом не парила в дымке и прожекторах, а шла, как обычная женщина, и пахла духами и материнским молоком. С некоторых пор я стала различать запахи чутко – почти, как соба-

ка.

Я спросила:

– А как вы угадали, что я беременна?

– У меня глаз намётан, детка. Сама недавно родила близнецов. Рыбак рыбака видит издалека. Рассказывай, что за событие тебе предстоит.

– Знаю только, что Благотворительный ужин устраивает жена главы корпорации. Мой жених не стал вдаваться в подробности. И я не знаю, длинное надо платье, короткое, вечернее или коктейльное. Вдруг заявлюсь в платье, как в опеpу, и окажусь «белой вороной»… А они собрались на меня смотреть… В первый раз! Я в ужасе!

– И он тебе не сказал, – поджала губы певица. – Сукин сын!

– Нет, он хороший, – смутилась я, – только…

– О, дорогая, у каждого из них есть целый набор «только». Он тоже русский?

– Нет, американец. Точнее пуэрториканец.

Дайонс усмехнулась со знанием дела и покачала головой.

– Нужно что-то консервативное, наверное. Я не хочу, чтобы обо мне подумали что-то… Ну, вы понимаете что, – покраснела я.

– Это зря, детка! Кто захочет, уже подумал. А ты думай только о том, чтобы выглядеть сногсшибательно. И чтобы твой мужчина смотрел только на тебя. Ну, и другие тоже… Поняла?

Я кивнула, едва за ней поспевая. Все уже смотрели на нас. Точнее на неё. Поразительно, что никто не кидался и не просил автограф.

– Заходи-ка сюда. Shoshanna – это то, что нужно для приличных девочек и не очень.

Продавщицы кинулись к нам.

– Миссис Боулз, мисс…

– Здравствуйте, – уверенно сказала певица, – предложите нам что-то такое, чтобы её мужчина откусил язык, а остальные умерли от зависти. Но при этом вполне консервативное.

– О, с удовольствием. Мы как раз получили новую коллекцию от Hi-Lo…

И понеслось!

В компании именитой «феи-крёстной» я почувствовала себя свободнее, и внезапно оказалось, что в этом супер-универмаге есть, из чего выбирать.

– Не прячь свою шикарную грудь, – сказала Дайонс, глядя на меня в очередном платье. – Я никогда не прячу. И плечи. У тебя изумительные плечи! Мадам, предложите нам что-то с открытыми плечами.

– А я не замёрзну? Ноябрь всё-таки, – пробормотала я.

Дайонс только рассмеялась.

Наконец, я надела четвёртое по счёту платье, отвергнув то, что стоило половину ростовской коммуналки, и поняла: вот оно, моё. Словно сложился пасьянс, и в душе, как на экране компьютера, вспыхнули фейерверки!

– Кажется, очень хорошо, да? – Я глянула, сияя, на певицу.

– О, да, милашка! Это оно, – закивала та, разглядывая вместе со мной отражение в огромном зеркале: чуть светлее по тону дорогого красного вина, американская пройма (я даже хихикнула мысленно – как подходит к случаю!), подобие короткого рукава из легких оборок от груди к рукам, вверху удачно подчёркивающее фигуру, длинное почти в пол сзади, и женственными оборками приоткрывающее ноги от колен спереди. В нём мне было комфортно и легко, от прикосновения к коже натурального шёлка – приятно. Чёрные туфли на высоченной шпильке с тонкой перепонкой завершили образ. И я показалась себе немножко испанкой. Рядом со своим смуглым корсаром буду очень гармонична!

– Идеально, – согласилась ещё раз Дайонс. – Ты просто конфетка!

– Спасибо, – расцвела я, – как я могу вас отблагодарить?

– Брось, милашка, это было даже приятно! – царственно махнула рукой богиня поп-сцены. А затем протянула мне две визитки. – Вот чудный салон. Скажешь, что от меня. Только записывайся прямо сегодня! А вот хороший акушер, рекомендую.

– Спасибо-спасибо-спасибо! – Я сложила руки у груди, счастливая.

Дайонс взглянула на часы.

– Время добрых дел закончено. Пора ехать в студию. Ми-

лашка, напиши мне потом в мессенджере, как всё прошло. Но сначала зафрендься. Я уверена, что ваши корпоративные дамы сгрызут от зависти локти, а жених будет отгонять коллег от тебя, как мух! Ты божественна, детка!

Она обняла меня на прощанье и быстро ушла, не обращая внимания на взгляды и вьющейся за ней тонким флёром интерес окружающих. Да, это вам не хухры-мухры! Это Нью-Йорк – город, где звезда может стать феей-крёстной и поделиться с тобой леденцами от токсикоза.

Я ещё раз посмотрела на себя в зеркало и почувствовала себя красавицей. Я не звезда, я только учусь. Однако учусь весьма неплохо…

* * *

– Как прошёл день? – спросил вечером Джек, застав меня на кухне за лепкой пельменей и просмотром сериала.

– Замечательно.

Я хитро улыбнулась и завела руки назад, чтобы не перепачкать его костюм мукой. Позволила себя поцеловать.

– О, равиоли! Какой смешной формы…

– Никакие не равиоли! Это пельмени сибирские. Как поешь, сразу в медведя превратишься. Хотя нет… – Я ополоснула руки и вытерла полотенцем.

– Что нет? – улыбался Джек.

Я кокетливо склонила голову, окидывая его взглядом с

ног до головы.

– Ты уже медведь. Так что можешь есть пельмени смело!

– Ах ты ж, балерина! – покачал головой Джек, расстёгивая пуговицы пиджака и стягивая галстук. – Ты сегодня дома была?

– Немного прогулялась за покупками. Разложила вещи, начала заниматься испанским онлайн.

– Зачем? – удивился Джек.

– Ты на каком с мамой разговариваешь?

– Ну-у, наверное, чаще на испанском.

– Вот и ответ, – хмыкнула я. – А ты русский учить бросишь?

– С чего бы? Я с Полиной договорился заниматься по Скайпу.

– Я бы тоже тебя могла поучить.

Джек сбросил пиджак на высокий стул, обнял меня сзади.

– Ты не можешь.

– Это ещё почему?

– Ты – моя женщина… И я буду тебя хотеть, не смогу заниматься. – Горячим дыханием обожгло шею. – Особенно, когда ты так смотришь…

Он подхватил меня на руки и понёс куда-то.

– Эй, а как же пельмени! – смеясь, воскликнула я.

– Это на второе…

Мгновение, и я уже лежала на кровати в спальне, мой пуэрториканец навис сверху, избавляя меня от одежды.

– Ты не спросил, хочу ли я, – Я продолжала шутя отбиваться.

– Я же тиран, – ответил Джек и принялся беспощадно зацеловывать.

– А я Че Гевара! «Patria o muerte: venceremos!»[6] – принялась со смехом скандировать я.

Джек на секунду остановился, округлив глаза.

– Сандра, ты начала учить испанский не с того! Говорили мне, не связывайся с русскими! У вас революция в крови…

– Ага, «Hasta la victoria, siempre!»[7] – хихикала я. – А кто говорил?

– Не важно, – прорычал Джек. – Важно то, что я сейчас буду жестоко подавлять восстание!

И он ещё яростней принялся меня целовать.

Сопротивление было сломлено, и мятежники со сладкими стонами сдались. Впрочем, и тиран вскоре сдался и размяк, счастливый. Вздохнул.

– Завтра с утра к врачу… Мистер Хоули записал нас на восемь утра. Успеем до работы.

– А зачем тебе работать, если ты так богат? – спросила я, лежа на его груди и поглаживая ласково живот.

– А как же иначе? У меня не только в России завод. В Венесуэле тоже мой и доля в Китае. Без внимания и руководства всё покатится к чертям. Ты же знаешь!

---

[6] Родина или смерть! Мы победим (слоган Че Гевары)

[7] Всегда до победы! (еще один слоган Че Гевары)

– Знаю.

Он высвободился и бодро подскочил с кровати.

– Пойдём пробовать твои пэлмэни?

– Пельмени! – исправила я. – Л – мягкое, и П тоже. А, кстати, мне тут другого акушера-гинеколога порекомендовали…

– Кто? Твоя подружка из Ростова? – усмехнулся Джек, натягивая штаны.

– Да нет. – Я пожала плечами. – Дайонс.

– Кто?!

– Певица такая, не знаешь? – запросто сказала я, тоже выбираясь из кровати. – Очень популярная. И красивая. Но я её тоже сначала не узнала. Она мне леденцы от токсикоза подарила… В туалете Сакса.

Джек моргнул.

– Странно, что не Мелания Трамп…

Глава 5

Золушке несказанно повезло: она не отправлялась на свой первый бал беременной! И вообще возилась с тыквами и поливала грядки до последнего, пока не явилась фея и не одарила её горячим туром в королевский дворец по категории «всё включено». У меня же было наоборот: принц, беременность, фея, бал, мачеха…

Кхм, не мачеха, в общем. Но почему-то иначе мне жена главы корпорации не представлялась, несмотря на то, что по статусу её стоило бы приравнять к королеве. Её страницу в соцсети вычислить оказалось несложно. С фото в соцсети улыбалась чрезвычайно привлекательная, стройная женщина лет сорока пяти, похожая на итальянку элегантностью, точёным профилем и тёмным цветом волос. Красавица! Однако увидев её, я напряглась ещё сильнее – ямочками на щеках меня не обманешь.

Наверное, всё дело было во взгляде – аналогичном с моей одноклассницей Соней Шаповаловой. Та до пятого класса чуть ли не нищенствовала, а потом её мама очень удачно вышла замуж, и Соню стало заносить. В одиннадцатом она смотрела на нас со снисхождением королевы, вышедшей к плебсу забавы ради. Вокруг неё образовалась своя компания придворных, включая фрейлин, шутов и фаворитов.

Я от них держалась подальше, поближе к ботанам и ло-

хам, ибо одевалась я плохо и не вникала в школьные интриги. Мне некогда было! Приходилось то маму спасать от желания напиться таблеток, то предотвращать её попытки спрыгнуть с балкона или побежать среди ночи искать папу.

Учителя входили в моё положение и за прогулы по семейным обстоятельствам не ругали. Тем более, что на контрольные и зачёты я всегда приходила и сдавала на пятёрки. Позаниматься с учебником самой для меня проблем не составляло. Из-за семейного хаоса два последних класса у меня получились почти экстерном.

Соню с прихлебателями выворачивало от возмущения – им сачковать не позволяли. Их колкости и язвительные шуточки я в редкие посещения пропускала мимо ушей, хотя до сих пор школу обхожу стороной. Воспоминания так себе…

Я внимательно пересмотрела все фотографии второй половины главы корпорации и настроилась на оборону. Учитывая схожесть взглядов и выражений лиц у Сони Шаповаловой и Меделин Кроннен-Стоу, вряд ли пахло ещё одной доброй феей на нынешнем балу под логотипом Оле-Ола.

* * *

Посещение врача прошло хорошо, но и тут не обошлось без «но». Едва мы всё оговорили, с волнением и радостью увидели нашего крошечку на УЗИ, поулыбались, поцеловались, и вроде бы были готовы уйти, Джек проводил меня в

холл и оставил. Я решила, что ему нужно в туалет и с неприятным удивлением увидела, что он заходит снова в кабинет к мистеру Хоули.

По сердцу полоснуло недоверием. Джек вышел и продолжил улыбаться, как ни в чём не бывало, однако доктор пригласил меня и назначил дополнительные анализы и посещение генетика. Догадаться, о чём шла речь, я, конечно, могла и сама: Джек опасался дурной наследственности с моей стороны. Его можно понять, но всё равно было обидно. Тем более, что он так и не признался, о чём именно секретничал с доктором.

– Ты не считаешь, что это честно – шушукаться за моей спиной? – спросила я Джека, когда мы вышли из клиники в солнечное, морозное утро, бликующее искрами в стёклах небоскрёбов.

– Я разговаривал о своём ребёнке. Что тут такого?

– О нашем ребёнке, – сказала я и надула губки. – Я категорически против секретов. Говори мне всё прямо, пожалуйста. Ты знаешь, я сильная и не истеричка.

– Нечего говорить. Всё хорошо, малышка, – успокоительно улыбнулся Джек и чмокнул меня, усаживая в авто. – Водитель отвезёт тебя домой. А я до работы дойду пешком, тут два шага. К шести будь готова. Заеду переодеться и захвачу тебя. Кстати, ты решила, в чём пойдёшь?

– Ага, – буркнула я, – в джинсах и свитере.

Джек моргнул, но затем рассмеялся:

– Шутница! – И ткнул в меня указательным пальцем снова, как президент Америки в избирателя. – Запомни: в шесть. Как штык!

Дверца захлопнулась, словно моего ответа и не требовалось, и я вздохнула. Иногда бесит такое его поведение! Уже не шеф, а туда же… И секрет, секреты! Хоть не агент ЦРУ, но, похоже, мнит себя исполнителем невыполнимых миссий.

– В Центральный парк, пожалуйста, – сказала я водителю.

Моему крошечке надо гулять. А парк, как выяснилось, был рядом. Затем я скрестила руки на груди и насупилась.

Ну, большой босс, погоди! В шесть часов тебя будет ждать сюрприз! Посмотрим, насколько ты к нему готов!

* * *

Салон, который мне порекомендовала Дайонс, оказался действительно чудесным. Единственный нюанс – новые модные словечки из мира парикмахеров на английском мне ещё следовало подучить, чтобы не попасть впросак и вместо элегантной завивки не выйти на улицы Нью-Йорка с зелёными прядями в фиолетовых волосах. Хотя, в целом, язык жестов никто не отменял, особенно тыканье пальцами в каталог.

В итоге я вышла из салона не просто «красавишной», как Таня любит говорить, а практически дивой. Ножки мои, конечно, не поняли туфель на шпильке и тонких чулок в мороз… Очень хотелось надеть тёплые шерстяные колготки и

сапоги на меху, но увы, я не в колхозный клуб собралась. Зато открытым плечам повезло спрятаться под палантин из стриженой белой норки.

Когда я его купила, совесть меня уколола. Целых три раза. Это, конечно, не самолёт, но и не две копейки. Я себя успокоила, решив, что если Джек выразит недовольство, сдам в магазин обратно с чеком согласно закону о «лимонах» – так забавно в Штатах называют закон правах потребителя. А так белая норка на насыщенно-тёмно-красном платье смотрелась умопомрачительно. Как и я.

Я юркнула на заднее сиденье такси. Домой? О, нет! Не после утреннего демарша моего любимого мужчины. Хочет тайну-секретик? Получит! Я усмехнулась и назвала адрес. Жёлтый автомобиль повёз меня к Бродвею сквозь пробки. Я всё рассчитала, мне торопиться некуда. И Джек, если будет порасторопней, не опоздает.

Я снова усмехнулась своему отражению в стекле. Коварная, красивая, тьфу три раза, чтобы не сглазить. Положила руку на плоский ещё живот, тихонечко шепнула малышику:

– Вот, китёнок, мама тебе досталась строгая. Но если папу не воспитать, он жениться перестанет. А нам ведь надо и маму, и папу, правда?

Малышик не ответил, но мне опять стало хорошо. Если папа наш зазнался и решил поиграть в секретного агента, поиграю с ним в его же игру. Надеюсь, голову не откусит.

Я расплатилась с таксистом и вошла в стеклянные две-

ри с подсветкой. Уже потемнело. Не удивительно – ноябрь! Буквально на днях город начнут украшать к Рождеству. Я вспомнила «Один дома 2». Улыбнулась: вот и я – один дома, в чужом городе.

Села за столик у окна, поставила телефон на режим полёта и заказала чай. Конечно, слегка кололось в бёдрах от волнения – вряд ли Джек будет в восторге от сюрприза. Но… кто не рискует, тот не пьёт шампанское! Или, как в моём случае, чай, соки, минералку.

Часы в телефоне показали 18:00. Я медленно отхлебнула Молочный улун из белой чашки.

За окном по 65-й улице ползли такси. Ничего, ужин начинается только в 20:00, и тут близко. Интернет мне всё рассказал, чего не пожелал раскрыть Джек. Почти всё…

Я сделала ещё глоток. Вкусно. Горячо.

Представила, как Джек входит в квартиру, кричит: «Балерина!» Но никто не отзывается. Он бросается по комнатам, как всегда не разувшись. И не находит. Вместо меня только белый конверт на столе. Прислонён к новой вазе с бордовыми и белыми лилиями. Тоже намёк.

Джек чертыхается, смотрит на часы и начинает волноваться. Нервно и порывисто достаёт записку, чуть надрывая и без того распечатанный конверт. А там:

«Любимый!
Надо продолжить утро с секретом,
Ты же умён, и я знаю об этом…

Мне двадцать три, и я очень хотела
Танцам учиться. Увы, не сумела.
Но меня тянут мечты, и покуда
Я здесь, в Нью-Йорке, – не правда ли, чудо?
Центр президента, где театр и школа
В баре я жду, чтоб почтить Оле-Олу!»

Надеюсь, он найдёт меня в баре на 65-й улице возле Балетной школы и театра в Центре Линкольна. Всего лишь в квартале от Нью-Йоркского театра балета, где будет проходить Гала-ужин.

Никто не обещал, что со мной будет легко! Моему любимому мужчине хватит полтора часа, чтобы решить шараду. Или не решить. Мурашки побежали по моей коже. А вдруг не найдёт? Что тогда?

Глава 6

Я сидела как на иголках. Хриплый американский джаз казался слишком громким, хотя едва звучал, чай – слишком холодным, время – слишком быстрым.

А что если Джек не станет меня искать? Махнёт рукой и пошлёт на все четыре стороны? Вдруг я перегибаю палку?..

Моя рука то и дело подкрадывалась к смартфону, бессмысленно лежащему на столе, но в последнее мгновение я останавливалась. Пальцы слегка дрожали. Белая норка не спасала от промозглого волнения. Мужчины поглядывали на меня с интересом. Наверное, леди в вечерних нарядах не каждый день сидят здесь и пьют литрами чай.

Краем глаза я уловила, что брюнет за столиком в углу не просто поглядывал, а перешёл на низкий старт. Я равнодушно отвернулась, постукивая пальцем по столешнице и упорно глядя в окно.

Где же, ну где чёрный Порше Джека с неразговорчивым водителем в фуражке? Нервы мои были натянуты, как струны, – а вдруг он просто меня не найдёт? Не догадается, где я?

Пальцы правой руки вновь коснулись смартфона и замерли. Я закусила губу. Нет, игра есть игра. В ней можно проиграть… Но ведь можно и выиграть! Причём в данном случае обоим. Боже! Ну, где же он?! Уже семь!

В висках стучало. Я закрыла глаза, устав от напряжения.

Тот брюнет всё-таки решился и подошёл ко мне. Я не разобрала, что он сказал. Лишь мотнула головой отрицательно.

– Не заинтересована… – по-русски странно звучит, по-английски обычно.

Шумное хлопанье дверьми, быстрый шаг по напольным плитам, тяжёлый, словно на сапогах были шпоры. Я распахнула ресницы и распрямила спину. Прозвучало басистое и резкое:

– Меню не нужно!

Сладкая волна страха и радости прокатилась мурашками по спине. Это он!

Я постаралась максимально расслабленно оглянуться через плечо и затем повернулась всем корпусом. Джек в смокинге и бабочке стоял у барной стойки и напряжённо смотрел прямо на меня. Фейерверки взорвались в душе.

Нашёл! Мой хороший! Мой чудесный! Мой любимый! Нашёл! Сейчас убьёт…

Я улыбнулась. Джек рванул ко мне, яростный.

– Балерина! Ты с ума сошла?! – рявкнул он, заглушив джаз.

– Добрый вечер, милый, – спокойно, с улыбкой ответила я. – Присядь, я заказала твой любимый виски.

– К чёрту виски! Что ты придумала?!

– Всё хорошо, любимый, – ласково ответила я и встала к нему навстречу. – Я так тебя ждала!

Взгляды устремились к нам обоим. А глаза Джека вдруг

вспыхнули иначе. Гнев растворился в восторге.

– Чёрт, балерина… Ты… чёрт… Какая ты!

Он быстро подошёл ко мне, обнял за талию прилюдно, словно показывая всем: «моё»! Глаза его горели, румянец разлился по щекам.

– А ты грубиян, – хмыкнула я. – К счастью, сообразительный. Я в тебя верила! Всегда верю.

– Да? Хитрюшка, – с мягким укором сказал мой любимый мужчина.

Поцеловал мне тыльную сторону ладони. Заглянул в глаза. Великолепный корсар, готовый покорить оперу, меня и всё на свете.

– Невероятная… Неожиданная! Это платье так тебе идёт! И мех…

На заднем плане мелькнуло разочарование брюнета. А в моей душе разлилось счастье.

– Я тебя люблю, – сказала я.

И в ответ губы любимого мужчины коснулись нежно моих. На мгновение. Но его было достаточно. Затем Джек глянул на часы на запястье.

– Рано приходить не стоит.

Я сделала приглашающий жест рукой, указав на столик с моим чаем и приготовленным для любимого тамблером с виски, в который совсем недавно попросила официанта добавить льда.

– Давай посидим тут.

Джек кивнул и подал мне руку, хотя я и так могла сесть. Но было приятно, чёрт возьми! Мой любимый мужчина сел напротив, взял в руку тамблер. Чуть взболтнул, заставив прокатиться по дну кубики льда. Поднял глаза:

– Зачем, Сандра? – Всё-таки немного обижен.

– Ты знаешь, – просто ответила я. – Ты же умный.

– А если нет? – усмехнулся он.

– Мы взрослые люди, Джек. Несмотря на то, что я младше. – Я смотрела ему прямо в глаза. – Доверие предполагает не только должность личного ассистента, как ты говорил. В близких отношениях, ещё более личных, оно должно распространяться в обе стороны.

– А если что-то не так, ты всегда будешь убегать? Как тогда, в Ялту? Разве это по-взрослому?

Я пожала плечами. Чашечка с остывшим чаем – удобная штука, чтобы её крутить, скрывая трепет в пальцах. Карие глаза напротив излучали внимание и пытливость, словно он старался взглядом подобрать ко мне ключ, рассмотрев нужные зазубринки в замке.

– Наверное, трудно перестать быть начальником? – спросила я.

– Я мужчина. Это прежде всего.

– Знаешь, в бальных танцах всегда ведёт партнёр. Он задаёт темп, движение, направление. Партнёрша подчиняется ему. Умело, если хорошая. И тогда танец складывается. Ты прав, ты мужчина, и ты задаёшь направление. А я принимаю

его – тот вектор, что ты задал. Секреты и шарады, они как блюдо с перчинкой. Вкусно. Неплохо. Но я больше люблю сладости. И мне просто хотелось бы тебе доверять – в ответ на твоё доверие. Это красиво.

– Сандра… – начал было Джек. Кашлянул, выпил залпом виски. – Я не могу так сразу, понимаешь? Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой, но…

Я смотрела на него, внезапно очень захотелось плакать.

– Я только что развёлся. – Джек живо жестикулировал, а он всегда так делает, когда волнуется – я уже изучила. – И да, я… доверяю тебе. Но некоторые вещи не приходят по щелчку пальцев.

– Жалко… – Ком в горле возник сам собой.

– Жалко. Но малышка, – Джек взял меня за руку, чуть потянул к себе, привлекая всё моё внимание. Прошептал жарко: – Но я хочу, чтобы у нас всё получилось!

– И я…

– Пойми, иначе я бы не привёз тебя с собой. Я хочу быть вместе. Ты нужна мне!

Я кивнула, заставив себя улыбнуться. Отчего мне всего было мало? Разве искренности в его глазах мало? Просто сердцу хотелось больше. Оно жадное. Или глупое?

Я опустила ресницы, и вдруг горячие ладони обхватили мои щёки. Губы, ещё более жадные, чем моё сердце, поглотили мои, забирая у меня дыхание и мысли. Это было искренне. Горячо. Сумасшедше. И плевать, что опять все смот-

рят… Я исчезла. В нём.

* * *

Хорошо было просто болтать. Почти час. Об акциях, о продажах и о странном индикаторе прибыльности под почти неприличным названием EBITDA. Просто я спросила, как прошёл день, и Джек вдруг принялся рассказывать всё подряд, словно пытался показать, что доверяет мне. А я, подложив ладонь под подбородок, внимательно слушала и спрашивала. Не то, чтобы это было до жути интересно – я не финансист и не бизнес-воротила, но это была жизнь моего любимого мужчины, которой он готов был поделиться. И я ценила момент.

Говорил ли Джек так со своей бывшей женой? Судя по сначала неуверенному, потом всё более зажигающемуся и увлечённому рассказу, вряд ли. Я подумала, что хорошо, что мы начали с одного бизнеса, а не с романтики. Получилось больше точек соприкосновения, хоть теперь я и не ассистент. Однако кто сказал, что в статусе невесты я не могу быть полезна?

Пусть я не во всём разбираюсь, но я давно уловила: порой стоит проговорить проблему вслух моей подруге Тане, и уже не нужно совета – всё само встаёт на свои места.

Глядя на довольные, горящие глаза моего любимого, я допустила крамольную мысль: вероятно, если бы мама чаще

слушала папу о его спорте, работе, о шахматах, а также о желании есть каждый день пресловутый борщ, их семейная жизнь не разбилась бы. Увы, мама почти всегда перебивала папу за ужином рассказами о новом балете, статьях об НЛО или ядерном топливе для ракетных двигателей. Пожалуй, иногда лучше недостаток образования, чем его переизбыток, и умение выслушать, а не рассказать…

По привычке я следила за временем. Из Джека не вытравить бигбосса, из меня – ассистента. Когда цифры на экране мобильного подкрались почти к восьми, я сказала:

– Любимый, нам пора. Или стоит опоздать?

– О, нет. Опаздывать не следует. Её величество Меделин терпеть не может ждать! А с ней лучше не ссориться, – рассмеялся Джек.

Судя по карте Гугл, к Нью-Йоркской Опере и Балету, а точнее, к театру Дэвида Коха, можно было дойти за пять минут наискосок и налево. Но нас, богатых, не понять. Поэтому пришлось толкаться в корпоративном автомобиле в пробке на 65-й, потом по Коламбус-авеню и направо вдоль театра по узкой 62-й улице целых пятнадцать минут. Тут тоже выстроилась очередь из роскошных авто. Только подъехав к краю здания, я увидела, почему. Здесь была красная дорожка! Самая настоящая! Как в Голливуде. А ещё камеры, люди и ограждения.

– Джек, – прошептала я изумлённо, – а звёзды тоже будут?

– Возможно парочку Меделин и пригласила.

– Но красная дорожка для кого?

– Для нас и твоих шпилек, – засмеялся Джек.

Он вышел из машины и подал мне руку.

Едва я ступила на мягкое покрытие, ослепили вспышки. Ничего себе! Хорошо, что я не надела меховые сапоги…

* * *

У меня перехватило дух. Думаю, Наташе Ростовой на первом балу такого волнения и не снилось! Хотя моя рука опиралась о руку сильного мужчины, крепкого и большого, как скала, другая впивалась в клатч. Казалось, мы не идём по красной дорожке, а бодрым шагом по морозцу выбегаем из зоны комфорта. Одно дело, когда смотришь на такое по телевизору, другое – быть здесь. Ощущения не сравнить! Вспомнила, как дедушка говорил, что моя улыбка – самое обезоруживающее оружие. И я принялась палить со всех пушек, улыбаясь по сторонам.

– Не волнуйся, ты самая красивая! Красивее быть не может, – шепнул мне Джек.

Я была ему за это благодарна.

Наконец, мы нырнули в тёплый холл из белого мрамора и в атмосферную музыку. Я с жадным интересом рассматривала всё. Выяснилось, что стены квадратного здания, состоящие сплошь из восьмигранных колонн и панорамных стёкол, декорированных подобием узких балкончиков с лило-

выми вставками и ковкой, описывают круг. Круглую стену опоясывали такие же узкие балкончики.

– Там зрительный зал. Знаешь, невероятно забавно, – хмыкнул Джек, – что Меделин выбрала для этого ивента Нью-Йоркский балетный театр. Где ещё знакомиться с моей балериной?

Я скользнула взглядом по афишам: Алексей Ратманский представляет «Поцелуй феи» на музыку Стравинского, «Спящая красавица» Чайковского. Наши! Я почувствовала гордость за русских, словно однажды сама напевала мелодии Петру Ильичу, и кокетливо пожала плечами:

– Почему бы и нет? Здесь я почти дома.

– О, женщины, у вас одни намёки, – засмеялся Джек.

И мне вдруг показалось, что он тоже волнуется.

Холл назывался Гранд Променадом. Оба края его ограничивали белые скульптурные композиции по две фигуры в каждой: весьма упитанные обнажённые дамы и циркачки.

– Кстати, свод здесь реально золотой, – заметил мой любимый мужчина. – И вот эта штуковина тоже.

Он показал на выпуклую громадную фигуру на стене, похожую на растянутую, абстрактную юлу, в которую в любом случае упирались гости, поднимаясь по лестнице.

– Богато, – сказала я.

Изысканной я б не сию декорацию не назвала, как и скульптуры Гранд Променада. Подумалось, что наш Ростовский музыкальный театр, который в городе называют «Бе-

лым роялем», и без золотых блямб выглядит гораздо более храмом искусства, чем этот знаменитый балетный «Дом Баланчина».

Жаль, я в Большом театре не была, а ведь там ещё красивее! И я снова улыбнулась Джеку, переполненная гордостью за Отчизну. Когда живёшь дома, не замечаешь, как много чудесного вокруг. Даже несмотря на разухабистую грязь и рытвины на дорогах. Это приятное сравнение и афиши с русскими фамилиями внезапно вселили в меня уверенность, которой мне так не хватало. Мои соотечественники покорили Нью-Йорк, почему я не смогу?

То и дело здороваясь и кивая по сторонам, Джек повёл меня по мраморной лестнице вверх.

Я рассматривала платья, узнавая некоторые из Сакса или из просмотренных каталогов haute-couture[8]. Разглядывала лица, людей, ежедневный расход которых превышал мой недавний месячный… и вдруг вспомнила «Мастера и Маргариту». Что-то демоническое было во всей этой чёрной фрачной степенности, алых губах дам, бриллиантах; биржевых взглядах; подчёркнутых улыбках, ненатуральных двойных поцелуях – щека у щеки, даже не касаясь.

Поймала себя на мысли, что и сама улыбаюсь неискренне. Мне стало стыдно. С каких это пор я решила смотреть на людей, как Ленин на буржуазию?

Это мой новый круг, люди, с которыми я так или иначе

---

[8] Высокой моды

буду встречаться и здороваться, знать по именам – так же, как Джек. Значит, лучше искать в них хорошее, а не критически выковыривать недостатки! Вокруг меня – не враги, а люди. У них радость или грусть такая же на вкус, как у меня, как у моих близких, как у бомжа в метро, и слёзы такие же солёные.

Джек представил меня пожилой паре, не спеша ступающей по лестнице. И я улыбнулась им по-настоящему, замечая руку в руке, жизненный опыт, ум и искру тепла в серых глазах миссис Стейнберг в ответ на моё почти французское «Очарована». Было чем очароваться, ведь она оставалась женщиной, несмотря на морщинки и элегантную седину, а мистер Стейнберг – подтянутым джентльменом в своём преклонном возрасте!

«Только хорошее, – сказала себе я, – отмечай только хорошее! Плохое само увидится…»

Хорошего было много: взять хотя бы аккуратность, ухоженность и очевидную заботу о теле и одежде – большинству, особенно тем, кто моложе, был знаком спортзал не понаслышке. Было много красивых женщин и энергичных мужчин. Внутренне я отметила для себя основную градацию: одни – молодые и немного старше, модельные, словно участницы конкурсов красоты разных лет, – жёны или спутницы; вторые – чаще менее красивые, но более цельные, подтянутые, словно сбитые из плотной энергии, – дамы из бизнеса. Я их мысленно прозвала «домохозяйками» и «охотни-

цами».

– И все работают на Оле-Олу? – удивилась я.

– Нет, малышка. Вон тот, рыжеватый, с бокалом шампанского, – девелоппер. А те трое – из рекламной корпорации. Темнокожий в белой тройке – спортсмен, Уилл Росс. Глянька налево – звезда бейсбола, Ларри Климан со своим менеджером. Мы их спонсируем. Близко не приближайся, страшный бабник.

Я прыснула. Джек погрозил мне пальцем и продолжил.

– Помимо топов на таких вечерах бывает ещё масса инвесторов, влиятельных акционеров, брокеров.

– В общем, бизнес-бомонд, – подытожила я.

– Не только. И телевизионщики есть. Опру узнаешь?

– Где?! – воскликнула я, вытянув шею.

– Да вон же она, у колонны.

Я уставилась на чернокожую звезду телевидения. Она и тут была звездой – притягивала к себе внимание и была окружена людьми. Но Джек не дал мне её долго разглядывать, потянул за локоть и тут же познакомил с лысым американцем средних лет, с любопытными тёмными глазами.

– Мой коллега, Майк Девенпорт. У него такое чутьё, что никогда, слышишь, никогда, Сандра, не спорь с ним на деньги.

– Обещаю не спорить.

– А на интерес? – блеснул глазами мистер Девенпорт.

– Сандра, на интерес с ним тем более не спорь, – хмыкнул

Джек и опять погрозил пальцем, – заставит тебя кукарекать на барной стойке.

– Когда такое было?! – возмутился коллега. – А, я понял! Ты специально настраиваешь против меня свою красавицу-спутницу, чтобы она и не посмотрела в мою сторону! Пройдоха ревнивый!

Джек игриво пожал плечами. Мы вместе рассмеялись. Затем познакомились ещё с парой похожих друг на друга мужчин с жутким австралийским акцентом. Потом с худой высокой дамой в брючном костюме, Алисией Эванс, фотографию которой можно было запросто помещать в фотобанк с тэгом «Бизнес-акула». Впрочем, ко мне она отнеслась очень благосклонно.

Эти люди были словно из другого теста, но говорили при знакомстве приятные мелочи и что-то о моей красоте. Я то и дело ловила на себе взгляды мужчин и оценивающее внимание женщин.

Кажется, Джек тоже. Грудь он выпятил колесом и сиял, как кристалл Сваровски. Я мысленно посылала своей «феекрёстной» благодарности и ставила себе плюс сто баллов в карму за удачные покупки. А ещё невольно чувствовала себя неотразимой, и это мне чертовски нравилось!

* * *

Внезапно осанка Джека изменилась, я уловила от него лёг-

кую волну напряжения. Он задал нам направление, и я заметила, что мы приближаемся к хозяйке мероприятия. Меделин Кроннен-Стоу стояла посреди зала собственной персоной. В ярко-синем платье с открытым верхом и расширяющейся книзу юбкой, постепенно переходящей в шлейф. Со свежим цветом лица и пронзительными чёрными глазами в реальности она была ещё красивее, чем на фото в интернете. И моложе.

Я взглянула на Джека: да, он волновался. Странно. Я привыкла, что ему ничьё одобрение не нужно.

– Меделин, вы прекрасны, как всегда, – сказал мой любимый мужчина. – Позвольте представить вам мою невесту, Александру Лозанину.

– Здравствуйте, Александра, – улыбнулась она церемонно.

Голос у неё был глубокий, грудной. Такой прекрасно подходит для того, чтобы повелевать. Сразу подумалось: только ли она жена главы корпорации? Почему не глава? Игры престолов ей вполне подойдут…

Меделин добавила:

– Наслышана о вас. Признаюсь, мне не терпелось увидеть девушку из далёкой России, покорившую нашего Джека.

– Меделин Кроннен-Стоу, хозяйка нашего ужина, – представил мне леди Джек и, склонившись, поцеловал ей руку.

В этом не было ничего, кроме галантности, но что-то вновь неприятно царапнуло в душе. Внезапное чувство, что

мой корсар не должен ни перед кем склонять голову – тем более перед этой некоронованной королевой. Хотя рано было делать выводы. Возможно, я воспринимаю её слишком предвзято?

– Очень приятно познакомиться, мадам Кроннен-Стоу, – улыбнулась я.

– Меделин, называйте меня просто Меделин. Наслаждайтесь вечером.

Она подчёркнуто отвернулась к новым гостям. Я поняла, что она дала мне фору с благосклонностью гроссмейстера к новичку, которого, возможно, больше не увидит.

Что ж, посмотрим…

* * *

Я в очередной раз отказалась от шампанского в стройном бокале. Официанты с крошечными канапе на подносах ещё обходили гостей, когда двери в зрительный зал распахнулись, и перед нами открылся украшенный цветами центральный проход. Но я чуть придержала Джека и спросила:

– Кто она?

– Меделин? – удивился он. – Жена главы корпорации Руперта Кроннен-Стоу. Скоро ты и его увидишь.

– Нет, кто она в твоей жизни? – тихо уточнила я.

Желвак на скуле моего любимого мужчины двинулся, и он был готов солгать, но не стал:

– Я ей многим обязан.

– Вот этим? – Я обвела глазами окружающую нас роскошь.

– Если ты о деньгах, то нет.

– Не только о деньгах.

– Тогда в каком-то смысле да. – Его голос стал сухим, а улыбка натянутой.

Непривычно… Решив не передавить, я воскликнула:

– Тогда пойдём есть страшно дорогие благотворительные блюда, а то съедят всё без нас!

Джек благодарно сжал мои пальцы, лежащие на сгибе его локтя, отвёл глаза и поторопился за остальными. И я с ним. Под свет огней, бордо и золота в зал круглой формы.

Если бы гадалка предрекла мне, что однажды я окажусь на сцене Нью-Йоркского балетного театра, я бы никогда не подумала, что там я буду есть. Гала-ужин за пару тысяч долларов, которые вероятно уйдут на благие цели. Именно на сцене были накрыты белоснежными скатертями, сверкали фарфором и хрусталём, украшены цветами и бутоньерками круглые столы, выставленные так, чтобы по центру оставалось небольшое свободное пространство.

Вдоль прохода выстроились официанты в чёрно-белом, все, как один, в белых перчатках и бабочках, закрывая собой ряды пустых бархатных кресел.

Распорядитель в белом фраке и с алым галстуком называл гостям номера столов. Нам тоже. Я изумилась, обнаружив над оркестровой ямой выстроенный помост, на котором сто-

ял сверкающий лакированными боками чёрный рояль. Будто сцена напротив сцены с широким мостиком между ними. Вдоль выходов за кулисы висели на железных кольцах широкие алые ленты. Меня совершенно потряс потолок, оформленный в виде огромного золотого десятилепесткового цветка с люстрой-шаром по центру. Необычно!

Я заметила надменную королеву Меделин под руку с седым джентльменом. Ледяная волна пробежала между моими лопатками – они садились за первый стол, куда направили и нас.

Да уж, кусок в горло не полезет. Испытание продолжается. Будут смотреть, правильной ли вилкой я ем? Ну-ну, – я усмехнулась про себя, – лайфхак в Ютубе, и я уже леди.

Странное дело! Во всех мне удавалось находить хорошее, а от одного взгляда на Меделин Кроннен-Стоу мысли о хорошем стыли и осыпались, как иней с ветки. Ревную?

Джек галантно отодвинул для меня высокий стул. Я села. Почти напротив оказались пронзительные чёрные глаза. Точно подавлюсь…

Я расправила складки платья и улыбнулась, перечисляя про себя достоинства Меделин: красавица, глаза умные, вкус замечательный – если она организатор сего действа, то вообще можно только поклониться и разразиться аплодисментами.

Увы, расслабиться не получалось! Меделин не смотрела на меня напрямую, то и дело кивая и даря сдержанные улыб-

ки гостям, но едва её взгляд касался меня, ощущение было таким же, будто меня пригвоздили к спинке стула. Неприятно.

Я так искренне обрадовалась Стейнбергам за нашим столом и Алисии Эванс, что бизнес-акула моргнула и внезапно расцвела улыбкой. Её рубленные черты смягчились, словно она лишилась маски. И мне стало хорошо.

Все за столом были представлены – Рупперт Кроннен-Стоу кивнул мне почти по-отечески, владелец хэдж-фонда Гольдблум рассыпался в комплиментах, его жена поджала губы. Ещё две пары возрастом хорошо за сорок ограничились стандартными любезностями.

Джек улыбался, но был не собой. Как же мне хотелось его не подвести! И я вдруг поняла, что не только я выделяюсь из присутствующих за столом, но и мой любимый мужчина тоже. Слишком загорелый, слишком яркий и не такой – как корсар, которого обязали следовать придворному этикету. И он следовал! Но нельзя сказать, что был этому рад. Или мне только казалось?

Зал погрузился в темноту, лишь сцена осталась освещённой, будто мы были участниками большого спектакля. Меделин произнесла приветственную речь, поблагодарив за взносы, и вновь села, приняв аплодисменты с королевским благоволением. Музыкант за роялем начал играть, официанты – разносить блюда.

Разговор за нашим столом зашёл ни о чём: о погоде, о

близком Рождестве, о котировках. Я улыбалась и едва притрагивалась к настоящему произведению салатного искусства на моей тарелке.

– Господа! После рискованного предприятия в Венесуэле Джек приобрёл ещё одну тёмную лошадку, – со скользящей усмешкой на тонких губах произнёс мистер Кроннен-Стоу, – убыточный завод в России.

– Я вижу перспективы, – начал Джек. – Кризис стабилизирован и не вечен, прогнозы положительны.

Владелец хэдж-фонда начал бурно говорить о санкциях и напряжённости политической обстановки.

– Оле-Ола всегда была вне политики, – с достоинством ответил Джек.

Я кожей почувствовала, как трудно было ему не прибавить своё любимое «Fuck you». Странно, что удалось.

Но глава корпорации перевёл взгляд на меня.

– Нам интересно, что скажет твоя спутница. Уж не она ли подтолкнула тебя на это безрассудство?

У меня запершило в горле, но я отставила бокал с минеральной водой и сказала, мысленно благодаря статью из делового журнала:

– При всём уважении к вашему опыту, не думаю, что это было рискованным приобретением, скорее прекрасной инвестицией в будущее. Экономическая ёмкость Юга России гораздо выше других федеральных округов из-за большей плотности населения и более высокого уровня доходов. И

хотя они, естественно, ниже столичных, Юг всегда отличался зажиточностью.

– Вы имеете в виду побережье Чёрного моря? – спросила с интересом Алисия Эванс.

– Не только. В ЮФО много крупных городов, и есть ещё так называемые территории low-strata – большие станицы и сёла, которые также обладают хорошей покупательской способностью.

Господин Стейнберг изумлённо покачал головой:

– Такая юная хорошенькая головка и с мозгами! Редкое сочетание!

– Джек – требовательный босс, наверняка мисс Александра готовила ему об этом отчёты, – ровно заметила Меделин. – Вы разве не знаете, она – секретарь господина Рэндалла?

– Больше нет, – коротко сказал Джек, потемнев лицом.

Рупперт Кроннен-Стоу хитро сверкнул глазами:

– Та самая?

– Да-да, – ухмыльнулась Меделин.

Я почувствовала, как кровь приливает к моим щекам. Официант поставил передо мной стейк из сёмги, украшенный завитком из сливок и парочкой листиков. С таким же успехом это мог быть посыпанный специями сапог – вряд ли я съем ещё кусочек…

– Сандра не только была преданным ассистентом, – хрипло вставил Джек, – она обладает чутьём, умом и всеми за-

датками руководителя, несмотря на довольно юный возраст. И я бы сказал, что она незаменима. Благо, теперь она будет со мной не только в России. – И он посмотрел на меня с любовью, его рука коснулась моей, холодной, лежащей на колене. – Всегда.

– Скоропалительные решения так присущи молодости, – сказала Меделин.

Джек внутренне вскипел, но сдержался.

Кинуть ей в лоб этой сёмгой, что ли?

Я улыбнулась радужно:

– Да, молодость – прекрасное качество. Жаль, что не вечное, – и посмотрела на неё.

Изящная рука королевы стиснула ножичек. Пожалуй, не стоит оставаться с ней наедине…

Заметив, что Джек так и не расслабился, я добавила, всё так же радужно глядя Меделин в глаза:

– Замечательно, когда красота не тает с годами!

Увы, холодное сердце королевы тоже не растаяло. А вот миссис Стейнберг сказала:

– Какое вы милое существо, дорогая Сандра! Позвольте я буду вас так называть?

– Это честь для меня, миссис Стейнберг!

– У вас совершенно очаровательный акцент, едва уловимый, но такой…

– …вкусный, – добавила Алисия Эванс.

И я почувствовала, что они на моей стороне. На рояль

упал луч прожектора – там застыла балерина в расшитом блёстками белом платьице. И все замолчали, глядя на девушку, изящно изгибающуюся под нежные трели фортепиано. Вступил невидимый оркестр, а в моей голове вдруг скользнула мысль, что я могла бы быть на её месте. Глупо! Лучше рядом с Джеком.

Танцор в чёрных брюках на подтяжках, белой рубахе и в маске на пол-лица подхватил балерину с рояля и закружил под музыку, словно нежную птицу. Это было невероятно красиво!

Джек коснулся моего плеча, шепнул:

– Я выйду на секунду.

Я кивнула, продолжая смотреть на романтический танец. Было самую капельку завидно. Хотелось танцевать, а не отвечать на колкости. Но все роли расписаны. Моя – здесь…

Восторженные аплодисменты проводили танцоров в темноту, когда композиция завершилась. Но это было не всё. Пианист ударил по клавишам – танго. Я вновь поймала на себе взгляд Меделин. Без Джека рядом он царапал жёстче.

Тот же танцор в маске вышел на середину помоста. Гибкий и резкий, как тореадор. Почему один? – удивилась я и тут же прикусила язык.

Танцор направился к столам, точнее… ко мне, сидящей не первой к проходу, но довольно близко. Отрывистые аккорды рояля подхватил аккордеон и оркестр. Танцор остановился передо мной и протянул руку.

Меделин встала и сказала в микрофон:

– Поприветствуем нашу гостью из России – Александру Лозанину!

Мурашки пробежали по моей спине. Все взгляды устремились на меня. Растерянность длилась четверть такта, а затем я подала руку мужчине в маске. И встала.

Танго? Значит, танго!

Не по себе было ощущать кожей ладонь чужого мужчины, в которую легли мои пальцы. Но я тут же расправила плечи. Все смотрят!

«Ничего не говори! Ничего не думай! Ты должна почувствовать ритм и партнёра!» – громко в памяти прозвучали слова Аллы Игнатьевны из балетной школы.

Локоть на уровне плеча партнёра, ладонь выпрямлена и напряжена. Вторая рука в руке танцора. По позвоночнику ось, будто натянутая струна, а в бёдрах – свобода.

Люди за столом начали хлопать в такт.

Танцор повёл. Я поддалась. Я – на сцене!

Аккордеону вторила скрипка. Классика Аргентины: шаг вперёд и накрест, первый променадный поворот, прогиб. Каблук, подушечка, снова каблук – чёткие точки аккордов, плечом вперёд. Резкий поворот головой, словно пунктир подбородком. Медленное проседание с вытянутой ногой.

Кажется, танцор удивлён. В прорезях маски – интрига. Но я не позволю себе ничего лишнего, хоть танец и требует. Танцор выбросил вперёд руку, раскрутив меня на внешний

поворот. Внезапно другая мужская рука, гораздо крупнее и твёрже перехватила мою свободную ладонь. Я обернулась – Джек!

Он сбросил пиджак, оставшись лишь в рубашке. Танцор выпустил мою ладонь. И с головокружительным поворотом я оказалась вплотную к Джеку. Глаза моего корсара сверкали. И он повёл, как профессионал, по узкому помосту прямо в центр. Шепнул:

– Не бойся!

И я больше не стала сдерживаться. В ритме танго мой любимый мужчина заставлял меня отступать назад и падать на прогиб. А затем закружил так, что мои ноги не касались пола – полетели над ним: правая полусогнутая, левая выпрямлена. Хлопки зрителей заглушали оркестр. В глазах корсара – огонь. В моём теле – гибкость и сопротивление.

Танго – это плохо сдерживаемая страсть. И мне отчаянно захотелось Джека прямо сейчас и здесь. Потому что тут мы были на месте – в чётком рисунке танца, а не за столиком с надетой улыбкой на лицах. Мы – южане, вынужденные притворяться приличными. Мы!

Горячие ладони Джека на моей талии говорили: «Мы!» И глаза, и лицо, и запах. Мы – это мы! Хоть в светском обществе, хоть в спальне! Мы!

Джек снова закрутил меня и в танце посадил на своё бедро. Музыка оборвалась. Из-за столов полетели овации и крики «браво». Мы с Джеком тяжело дышали. И улыбались.

Джек попросил микрофон и, обняв меня за талию, сказал:

– Спасибо! Спасибо за аплодисменты! Я, Джек Рэндалл, безмерно горд и счастлив представить вам мою будущую жену Александру! – и поцеловал меня в губы.

А Меделин… К чёрту Меделин!

Глава 7

Танго! Боже, теперь я буду любить танго всю жизнь! А ведь раньше этот танец был самым нелюбимым из всей программы бальных танцев! Да и получался не очень… Но здесь оно внезапно сделало меня звездой, поставив акцент: каблук, подушечка, каблук и бац! Мы с Джеком всем интересны! Но нам это было уже не важно. Под овации и поздравления мы сели за стол и посмотрели друг на друга, не замечая остальных.

– Так было задумано?! – спросили одновременно друг у друга.

Моргнули. Рассмеялись.

– Ты вышел, чтобы…

Джек замотал головой.

– Увидел, как этот хлыщ тебя крутит, возмутился. Но, балерина, твоё платье – идеальное для танго. Специально? Ты подготовила номер?

Теперь я замотала головой, смеясь.

– Нет. Только интуиция! Ничего кроме…

– Хорошее качество для жены бизнесмена, – донёсся до нас голос Рупперта Коннен-Стоу.

– Удивительно, как танцовщица оказалась ассистентом. В России в кризис не было ангажемента? – усмехнулась Меделин.

Взгляды за столиком с изумлением обратились к королеве. Грубо. Даже для неё. Потеряла контроль?

– Отчего же танцовщица? – со спокойной улыбкой парировала я. – Конечно, я менее чем на четверть принадлежу к аристократии, однако традиции хорошего воспитания до сих пор передаются по женской линии. Я училась в балетной школе, музыкальной – по классу фортепиано и вокалу. В обычной – в классе с углублённым изучением математики. А университет закончила с дипломом лингвиста.

И, между прочим, я ни слова не наврала. Врать тут чревато – такая змея, как Меделин, может и проверить, ну, а оценки в аттестате вряд ли вызовут интерес. Тройки были, честно… Даже по физкультуре.

– Сандра специализируется по американской литературе, – добавил с гордостью Джек.

– Какое прекрасное образование, милочка! – воскликнула миссис Стейнберг.

– Откуда в Советской России дворяне? – хмыкнул Руперт.

– Выжили некоторые, ассимилировавшись с рабочим классом. Я не скрываю, что в роду у меня есть представители обычной интеллигенции и даже крестьяне. Однако по линии бабушки соединились целых два дворянских рода: мой прапрадед был священником и сыном советника графа Шереметьева, – ответила я.

Умолчала, конечно, что предки мои были жутко обеднев-

шими, а прапрабабушка в пансионе благородных девиц часто рыдала от того, что на фоне дочерей богатых купцов и мещан смотрелась, как серая мышь в своём платьице. Мне бабушка рассказывала. Это я потом Джеку наедине расскажу при случае. Но не перед этими VIP-персонами… Тут только оборона, чередующаяся с атаками, только хардкор!

– Шереметьев? Это как аэропорт? – моргнул мой любимый мужчина.

– Как аэропорт, – кивнула я.

– Мистер Рэндалл, да вы нашли для себя истинный бриллиант! – воскликнул Гольдблюм.

– Я это знаю, – сказал Джек и снова сжал мою ладонь.

Ему льстило внимание, которое мужчины обращали на меня. Я же была равнодушна к чужим взглядам, просто поставила себе плюс в карму за выполненную миссию.

Впрочем, с той стороны стола летели ко мне отравляющие флюиды негатива. Меделин улыбалась, едва заметно поджав губы. Из-за теней подсветки казалось, что она окружена тёмной дымкой, как злая фея в сказке. Как и положено, красивая и холодная. Предупреждая очередную колкость, от которой я уже устала, я коснулась вилкой рыбы на собственной тарелке и обратилась к хозяйке вечера:

– Меделин, вы не находите, что сёмга великолепна, а вот «сливки» немного горчат?

Судя по взгляду, она поняла мою игру слов.

– Не более, чем должно. Всё дело в специях, – ответила

она с надменной улыбкой и перевела разговор.

Удобная позиция, чтобы не позволить эмоциям вырваться. Оркестр заиграл вальс. Некоторые пары, заряжённые нашим танцем и расслабленные шампанским, начали танцевать. Я выдохнула и повернулась к Джеку:

– Потанцуем ещё?

– С удовольствием.

* * *

Приятно, когда мужчина хорошо танцует! Джек, кажется, едва сдерживался, чтобы не заставить меня порхать над полом. Он, большой, как медведь, нависал надо мной и смотрел совершенно влюблёнными глазами. Подумалось, что со стороны мы, наверное, смотримся, как «Красавица и чудовище» в мультфильме. Но моё чудесное чудовище, обошедшееся, к удивлению, без единого ругательства этим вечером, было слишком красивым.

Мой первый бал! Если неудачного выпускного не считать! И я была бы абсолютно счастлива, если бы в нашу сказку не вмешивалась ведьма. Благо, пока только взглядами… Ноги переступали по кругу на счёт три под звуки Венского вальса, а мысли убегали вперёд.

Чем же Меделин зачаровала моего принца? Почему он от неё зависит? И можно ли это изменить?

А, может, у неё есть на Джека компромат? Ну не может,

просто не может мой корсар бояться! Он любит сложности! Сам лезет напролом! Я видела это в России, когда он брал завод на абордаж.

Голой пяткой на шашку? Пожалуйста! Турку менеджеру в глаз дать? Можно с двух сторон! Трёх хулиганов в нашем Ботаническом саду уложить? С хрустом и матом на раз-два-три! А тут… Нет, тут что-то не так!

Танец закончился, пришлось сесть. К счастью, ведьма за нашим столом взяла тайм-аут. Меня отправили в игнор. При виде колючего холода в глазах Меделин мне становилось не по себе: она мечтала забанить меня навечно, причём не онлайн, а по-настоящему: в багажник и прикопать.

Джек увлёкся обсуждением какого-то их местного скандала, связанного с IPO. Что это? Ещё не знаю, придётся снова спрашивать Гугл. Я сидела рядышком и старалась не натыкаться взглядом на чёрную королеву. В йоге говорится – если сложно, расслабляйся и дыши. И я дышала, следя за головокружительными пируэтами, которые выполняли девушки в белых боди на подвешенных к потолку красных лентах. Красиво!

Программа была подготовлена великолепно. Когда подали десерт, по кругу из-за пустых кресел начали выскакивать артисты, по большей части чернокожие. Несколько аккордов, и целая линия хора выстроилась в центре зала, освещенного выборочно.

Джаз под саксофоны и фортепиано с сочными ударными

перебивками артисты исполняли разудало и весело. Блестящие платья с длинной бахромой а ля тридцатые годы и шляпки сверкали в свете софитов. Солист во фраке выпрыгнул на сцену, словно чёрт из табакерки. И чуть не съел в запале микрофон, выдавая хриплым басом джазовый кайф. И хотя я не большой поклонник этого стиля, здесь в Америке, исполняемый с таким ражем джаз вызывал мурашки по коже. Воистину, всё хорошо на своём месте.

Я устала и шепнула об этом Джеку. И когда потрясающий номер закончился, мой любимый мужчина объявил, что мы уходим. И я с невыразимым облегчением бросилась к свежему воздуху, морозцу и нашему авто, быстро поданному гарсоном.

– Как ты, малышка? – ласково спросил Джек, загребая меня на заднем сиденье к себе под мышку.

– Хорошо, только устала, – улыбнулась я, кутаясь в норку. Показала на неё носом. – Я чек на палантин сохранила. Можно завтра сдать.

– Зачем?

– Дорогущий.

Джек стиснул меня в объятиях.

– Смешная. Тебе очень идёт. Оставляем. Всё оставляем. Мне нравится, что ты самая красивая! Умная маленькая куколка. А ты, правда, аристократка?

– Ну, если одну шестую крови считать, то почти графиня, – засмеялась я.

– Считать. Всё считать! – распорядился он и добавил куда-то в залитую огнями ночь 12-й улицы. – Им такая и не снилась.

Джек зарылся носом в мою макушку, уничтожая причёску. Вздохнул, расслабляясь.

– Хорошо. Солнце в волосах.

– Малыш…

– Ты.

Я согласилась. Так бы и сидела вечно, чувствуя его горячие ладони. Я тебя расколдую, мой любимый медведь. Не знаю ещё как, но точно смогу! Потому что люблю!

* * *

Когда из себя обычной под умелыми руками визажистов становишься супер-красавицей – это здорово! Вау и всё такое!

Но как же круто это потом стереть! Сотни долларов оказываются на ватном диске и летят в мусорное ведро, а ты остаёшься такая, какая есть. Немножко смешная, с розовым пятнышком прыщечка на виске и ошалевшими после Гала-ужина глазами.

Шпильки прочь, и в душ!

А как хорошо потом, свеженькой, встряхнуть кудряшками и вместо роскошного платья, чулок и туфель на высоченных шпильках, натянуть белый банный халат на голое тело

и прошлёпать босыми пятками по тёплому паркету. Но не в спальню, а на кухню. Куда ещё после благотворительного ужина?

Я открыла дверцу холодильника и с наслаждением султана, оглядывающего розы в своём гареме, окинула взглядом забитые полки. Вытянула Камамбер, йогурты, фрукты, помидор и ветчину.

К хорошему быстро привыкаешь! Уложила гигантский бутерброд в живописный натюрморт из всякой всячины на большое блюдо. За этим занятием меня и нашёл Джек.

– Неужели ты голодная? – вытаращился он.

– Как три тысячи слонов. Хочешь, тебе тоже сделаю?

– Да мне как-то хватило того, что подавали в театре, – усмехнулся Джек.

– Тебе повезло. А я стеснялась, – сказала я, влезая на барный стул.

– А так и не сказал бы. – Джек опёрся о стол бёдрами, жутко соблазнительный, в одних домашних штанах, босой и с голым торсом.

– Я хитро притворялась уверенной, – сказала я.

И откусила столько, сколько поместилось в рот. Тотчас поняла, что страшно хочу креветок. Пробормотала с набитым ртом:

– А креветки есть? Умру без креветок!

– В тебя не поместятся, – засмеялся Джек. – После этого сэндвич-монстра.

– А ты проверь! – Я задорно сморщила носик и уткнула руки в бока. – Бутер – мне, креветки – малышику.

– Ну если так, придётся вас кормить… Мы же покупали вчера тигровые, да? – Джек почесал затылок и полез в морозилку.

Самое время, конечно! Десять часов вечера. Но что с собой поделать?

Джек принялся готовить. Как обычно, с удовольствием и южным, немного театральным шиком. Я бы просто кинула креветки в подсоленную, кипящую воду, а он достал баночки и пакетики со специями, которых в верхнем шкафчике хватило бы на целый ресторан. Мой любимый мужчина вальяжно перемешал креветки с оливковым маслом и красным перцем в большой миске. Движением опытного повара изъял с полки сковороду, подмигнул мне и поставил на огонь. Затем принялся колдовать над второй миской.

– Что ты делаешь? – Я вытянула голову, умирая от любопытства.

– Соус. Без него будет не вкусно.

Чоп-чоп-чоп, и зубок чеснока превратился на доске в крошечки. Джек живописной длинной струйкой налил оливкового масла, добавил фигурно несколько ложек майонеза. Перемешал, подумал. Выложил креветки на сковороду. А затем, пританцовывая под ему одному слышимую мелодию – судя по движению бёдер, латиноамериканскую, присыпал соус чили паприкой и продолговатыми семенами кумина. Раз-

вернулся, и будто танцор, успел ловко перевернуть креветки. Извлёк зелёный лайм, при одном виде которого у меня во рту сделалось кисло, и выдавил его ручищей в мисочку.

Я забыла про свой бутерброд, наблюдая за действом. Через несколько минут с довольным видом мой любимый мужчина поставил передо мной блюдо с хрустящими, оранжево-красными креветками и соусом.

– Всё, что ваша светлость пожелает! – Галантно поклонился Джек и тут же подтянул съезжающие неприлично штаны.

– Наша светлость в восхищении! – Я сделала реверанс, хотя сидя он вышел весьма условно.

– Погоди!

Моя рука зависла, не успев выбрать креветку. Джек вымыл листья салата и украсил блюдо.

– Теперь всё.

Я попробовала и зажмурилась от удовольствия. Остренько. Пикантно. Потом сказала:

– А давай ты всё время будешь готовить так вкусно? И ну их все, эти ужины-шмужины!

– Не выйдет, балерина, – покачал головой Джек. – Один известный топ-менеджер, Мухтар Кент, говорит: «Никогда не ешь в одиночку». Любой ужин, обед, а иногда даже завтрак может принести больше, чем встреча в переговорной. Проверено на собственном опыте!

– Ясно. – Я погрустнела, представив постоянную кость в горле в виде Меделин за столом или себя, ужинающую в оди-

ночку, пока Джек ведёт переговоры в каком-нибудь ресторане.

– В чём дело? Тебе сегодня не понравилось мероприятие? – Бровь Джека изогнулась.

Не буду ему портить настроение.

– Местами было очень даже! Я бы сказала: прекрасно! Особенно ты. Когда танцевал танго…

– А другими местами? – Он сел напротив и тоже подхватил за хвост креветку.

– Другими местами я, кажется, не понравилась мадам Меделин.

– Ах, это! – воскликнул Джек. – Она всегда настороженна к новым людям. Ей потребуется время, чтобы понять, что ты замечательная! И никакая не охотница за моими деньгами… – Он осёкся, но лишь на секунду, потом улыбнулся и грызнул креветку.

Хм… Я охотница за деньгами?! Видимо, каждый судит по себе. Нет, я, конечно, не буду говорить: не надо, уберите доллары, рубли и евро, я буду питаться святым духом и жить в лачуге, но при чём тут деньги? Разве можно было в Джека не влюбиться?!

– И многие так думают? – как бы невзначай спросила я.

– Какая разница? Главное, я так не думаю.

– Да, это главное, – согласилась я.

Надеюсь, его никто не заставит подумать иначе.

– А каково вообще твоё мнение о тех, с кем ты сегодня

познакомилась? – спросил Джек.

– Если говорить о Кроннен-Стоу, то мне показалось, что им обоим что-то от тебя нужно…

Мой любимый мужчина рассмеялся и покачал головой.

– Скорее мне нужно от них.

– Можно спросить, что?

– Можно. Многое. В конце концов, весь мой бизнес зависит от главы корпорации.

– А почему ты вложил свои деньги только туда?

– Не только туда, но бóльшую часть. Это бренд, который сам себя продаёт. Это история! Это больше, чем просто бизнес! А любой завод в мире будет производить Оле-Олу, только если у него будет сырьё, и головной офис будет считать, что этот бизнес имеет смысл и соответствует корпоративным требованиям по уровню качества, менеджменту, политике, имиджу. А иначе…

– Иначе присылают тебя, – договорила я, – и ты крушишь всё, как Терминатор, да?

Джек усмехнулся.

– Почти. Но имей в виду, я не один такой Терминатор. И если бизнес будет решено закрыть там… – Он ткнул пальцем в небо. – …практически невозможно его будет спасти.

Супруги Кроннен-Стоу представились мне двумя красными пауками, сидящими в центре огромной сети и лупающими хищными глазищами.

– Гольдблюму тоже от тебя что-то нужно, а Стейнбергам

и Эванс – нет.

– В этом ты права. Гольдблум хочет заполучить мои деньги в свой хэдж-фонд. Обхаживает, старый лис! – Джек помолчал немного и добавил: – Кстати, именно Руперт по совету Меделин много лет назад дал рекомендации, чтобы меня приняли в Стэнфорд.

– Спасибо ему за это, – улыбнулась я, а внутри похолодела: очевидно, эта паучья сеть выстраивается уже давно. Растят поддержку? Я отодвинула тарелку. – И тебе спасибо за вкуснятину! Я уже наелась.

– Тебе не о чем волноваться, – произнёс Джек и подошёл ко мне.

Убрал назад мои торчащие спиральками пряди, подхватил на руки. Понёс в гостиную, не включая там свет.

В синем небе за окном сверкали огнями небоскрёбы, словно новогодние ёлки, отражались голубым в водах Гудзона. Нью-Йорк не спал никогда.

Я оказалась на подушках дивана, а моя грудь – в ладонях Джека. Губы его и пальцы блуждали по моему телу, не зная преград. Вдруг он приподнялся и сказал:

– Не волнуйся, балерина, доктор разрешил.

Я изумлённо раскрыла глаза.

– Что разрешил?

– В любой позе пока можно. Я об этом спрашивал утром мистера Хоули.

Я закрыла глаза и разомлела от наслаждения. Ну вот и сто-

ило из этого было делать тайну? А я придумала уже бог знает что. Даже обиделась. Как говорил в сказке Салтыков-Щедрин, попала пальцем в небо…

Глава 8

Думаете в Нью-Йорке воздух какой-то особенный? Или вода? Просыпаешься, тут же Лайза Минелли с оркестром поёт в окно: «Нью-Йорк, Нью-Йорк»?

А вот и нет! Просыпаешься и обычно чистишь зубы…

Только отбойных молотков на душу населения точно больше. Слышите? Дрррррр… с утра пораньше. А что вы хотели? Цивилизация! Джек эти дырдыкалки, то и дело ковыряющие дороги, не замечает. Я пока – очень даже…

«Интересно, сколько сейчас людей в мире чистят зубы? – подумалось мне, когда я стояла в нашей белой мраморной ванной. – А королева Меделин тоже, как и я, стоит сейчас и смотрит в собственные зрачки в зеркале, пытается пригладить свободной рукой дом на голове? Водит щёткой туда-сюда?»

Мне это представилось особенно чётко, и оттого всю её королевичность как рукой сняло. Я даже развеселилась.

Не люблю, когда меня долго донимают негативные мысли. Пусть их лучше думает кто-то другой, а я подумаю… о чём бы? О! К примеру, о солнечном зайчике, падающем на край латунной решётки. Откуда ему тут взяться?

Когда я вышла из ванной, Джек уже в мундире… тьфу, в костюме варил кофе. Учитывая, что недавно это была моя обязанность, даже мурашки побежали по спине: вчерашний

шеф варит мне кофе. По-моему, это кайф!

– У тебя где моторчик? – спросила я, удивляясь его скорости. – Ведь мы одновременно выбрались из постели!

– Я Бэтмен, – хмыкнул Джек.

– А, кстати, я про бэтменский костюм хотела спросить? Что он у тебя в гардеробной делает?

– Какой?

– Ну такой, весь будто прорезиненный. Чёрный комбинезон с красными вставочками. И с гармошкой на сгибах. А ещё шлем и перчатки…

– А-а, ясно! – улыбнулся Джек и тут же со всей серьёзностью задрал нос: – А по-твоему, мне город спасать в джинсах или в этом пиджаке?

– Смотря от чего спасать, – хитро посмотрела я. – Если экономических преступников ловить, то вот этот костюм, что на тебе, вполне годится для офисного инквизитора. Брови только сдвинь и не смейся. А то никто не испугается.

– Смешная ты! Вообще-то комбинезон – это одежда для мотоспорта, – сдался Джек.

– Ого! – Я не удержалась и присвистнула. – Может, у тебя ещё и мотоцикл имеется? Или на велике гоняешь?

Джек самодовольно поправил часы на запястье.

– Мотоцикл стоит на парковке. Кавасаки. Специально для бэтменов.

– А леди-кошку в бригаду принимаете? – Я игриво выгнулась.

Джек не сдержался и провёл ладонью по моей спине, чуть шлёпнул по попе.

– Леди-кошка пусть сидит дома или гуляет в Центральном парке. Вечером у нас рандеву.

Всю мою игривость мигом снесло.

– Опять Меделин?!

– Нет, на этот раз просто дома. Пожалует Филипп. Может, один, может, со своей новой пассией.

– И ты только сейчас говоришь! Надо же приготовить что-нибудь особенное!

– Не парься! Закуски закажем, а блюдо посерьёзнее мы с Филиппом сами соорудим. У нас традиция: мужчины – на кухню, женщины – пить пиво и смотреть футбол. – Он расхохотался басисто.

Идеален. У меня даже комплексы развились. Боже, ну и как такому соответствовать?

* * *

Мой любимый мужчина за порог, я – в Интернет. Затем на автобус и к зданию Нью-Йорк Таймс. Не знаю, может, мёдом тут намазано? Или просто очень хотелось.

Хотя бы поглазеть. И подумать. Обо мне и моём любимом мужчине. Я должна быть ему интересна! Можно, конечно, каждый день ходить по салонам и скупать наряды, но так я быстро превращусь в «Монику», а это чревато! Если уж быть

совершенно честной, то экс-жена Джека была гораздо красивее меня и однозначно эффектнее. И ростом вовсе не гном Вася… Но где она, и где Джек?

Вывод напрашивался сам собой: под лежачий камень вода не течёт… А если Магомет сам не идёт, сердце у горы не поёт. И вообще просто скучно быть заядлой домохозяйкой. О чём рассказать мужу вечером? О кастрюле? И ту Эми начищает с таким видом, будто она домовладелица, а я на птичьих правах. Моими улыбками её не прошибёшь, хотя я продолжу улыбаться. А насчёт прав… было немного тревожно, ведь Джек пока не торопился вести меня под венец.

Я задрала голову, жадно осматривая небоскрёб Нью-Йорк Таймс, отступила на шаг назад и вдруг наткнулась на кого-то. Уронила сумку и телефон, на который пыталась запечатлеть вид. Присела, чтобы поднять.

– Простите, – произнёс приятный баритон.

В фокус моего взгляда попали мужские руки с аристократичными пальцами, подбирающими с земли мою косметичку, очки и блокнот. Я подняла глаза и увидела потрясающе красивого мужчину лет тридцати. Кареглазый брюнет голливудского типа улыбался мне виновато. Лишь впихнув всё выпавшее содержимое обратно в мою сумочку, он поднял свой портфель.

Я тоже пробормотала извинения.

– На работу первый день? – с британским акцентом спросил молодой человек, внешне ничем на англичанина не по-

хожий.

Элегантный шарф наброшен на ворот короткого синего пальто. Тёмно-красные перчатки. Туфли… Наверняка уровень высшего звена или около того.

– Нет… Я не работаю… Хотелось бы… Но пока… – Ничего умнее в голову не пришло.

– Хотелось бы? Так что мешает? – спросил красавец.

Я смутилась.

– У меня пока и рабочей визы нет. Это так. Мысли… Мечты.

– Мечты должны сбываться! Тем более здесь, в Нью-Йорке, – подмигнул он.

Мои щёки залились румянцем. Мужчина кивнул и направился уверенным шагом в святая святых журналистики.

Мне стало неловко продолжать пялиться на вход в издательство, и я задумчиво пошла по улице.

М-да, журналистка… У меня даже статей в портфолио нет. Рекламная ерунда не в счёт. На английском так вообще ничего… Мечты? Глупые, наверное.

Я увидела, как официант распахивает стеклянные двери Вольфганг Стейк-хауза. И меня осенило! Пока я не могу быть журналистом, но писать-то могу! И есть о чём – Таня и девчонки спрашивают о Нью-Йорке. Наверняка найдутся люди в России, кому это тоже будет полезно. А я могу вести блог сразу на трёх языках – французский добавлю тоже, чтобы не закис.

Решено! Я стану блогером! И начнём с простого – с еды. Это всем интересно: рецепты, рестораны, кафешечки. Их тут не перечесть! А потом, возможно, и что-то серьёзнее нащупаю.

Жизнь за океаном, не такая, как дома, от первого лица… Разве это не любопытно?

Ноги сами завели меня в Стейк-хауз, где мы обедали с Джеком. Я выбрала тот же столик во втором зале, обманывая себя ассоциацией, будто мой любимый мужчина рядом, и под чашечку чая погрузилась в мысли и Интернет. Видеоблогеры и чёртова дюжина разновидностей независимых корреспондентов сегодняшнего дня вещали о разном и по-разному. Я сфотографировала чай и интерьер, запостила в соцсеть. Главное – начать!

И вдруг из-за спины послышалось старческое:

«…Как объяснить, что не вчера
Я полюбил ноябрь тоскливый.
И стоит ли… Моя сестра,
Печаль… Ненастная пора
Со слов твоих вдвойне красивей[9]*».*

Я обернулась с улыбкой и узнала экстравагантного старика – всё в том же жёлтом пиджаке, но в бабочке, разукрашенной в цвета американского флага и в красных джинсах. Се-

---

[9] Роберт Фрост, амер. поэт, «Ноябрьская гостья», перевод В. Топорова

дой, высушенный годами старик, казалось, компенсировал яркостью одежд собственную блёклость.

– Роберт Фрост! – воскликнула я и привстала, чуть поклонившись и с почтением приложив ладонь к сердцу. – Здравствуйте!

– Доброго вам утра, юная леди! Отчего же вы сегодня в одиночестве?

– Мой жених на работе, а я предоставлена самой себе и размышлениям о смысле жизни, как это ни банально звучит.

– Отнюдь не банально, – прошамкал старик и поклонился мне, так и не сев. – С моей стороны неучтиво не представиться: Уильям Баррел к вашим услугам.

– Александра Лозанина. – Сам вид и любезность старика располагали к реверансу.

– Вы позволите нарушить ваше уединение или это будет с моей стороны бестактным? – По серым, почти прозрачным глазам с красными сосудиками на желтоватых белках было видно, что ему очень хочется поболтать со мной.

Отчего бы и нет? Говорить о стихах намного приятнее, чем обмениваться колкостями с Меделин.

– Буду только рада, – просияла я.

Старик расшаркался и, отодвинув со скрежетом стул, присел напротив меня.

– Так на чём вы остановились, милая Александра? И называйте, пожалуйста, меня Уиллом. В мои девяносто уже можно и пофамильярничать. А если я задаю лишние вопро-

сы, так и говорите: «Не ваше дело, мистер Уилл». Договорились?

– Договорились, мистер Уилл. Я остановилась на решении начать блог. Вы знаете, что такое блоги?

– Я старая тележка, но не отстаю от жизни. Вы будете писать о стихах?

Я задумалась… Стихи попросту не пришли мне в голову.

– Думала о более приземлённом – о собственном покорении Америки. Но ваша мысль мне очень нравится! Почему бы не украшать каждое сообщение четверостишьем? Кажется, это будет оригинально.

– Весьма. Как же случилось, что такая юная леди и уже покорительница?

– Я пока не покорительница, только мечтаю, но не могу знать, что меня ждёт на самом деле, – проговорила я вздыхая.

– Как сказал китайский бессмертный мудрец Хань Сян-Цзы, «нельзя дождаться того, что тебя ждёт. К этому надо идти», – заметил Уилл.

Мудро. И вдруг я, истосковавшаяся по нормальному разговору, не по Скайпу, а просто так, живьём, выложила нашу с Джеком историю. В целом всё просто: начальник и подчинённая, служебный роман, которого я так боялась. Чего боишься, то и случается…

– Мудрое решение принял ваш босс, – заметил старик, складывая тонкие губы в улыбку, – будь мне тоже всего трид-

цать, и я бы променял Пикассо на искренность в таких волшебных глазах.

Рядом с чужим совсем стариком, говорящим вежливые комплименты и, кажется, очень меня понимающим, захотелось рассказать и про Меделин, и про то, чего я ужасно опасаюсь – что Джек под её давлением изменит решение. Потому что я не знаю, кто она ему.

Кто она – Меделин? Загадка. И где-то вдалеке, в уме, привычно вычленяющем плохое, прозвучало грозовое – любовница… Сердце сжалось, будто от удара, и по телу разлился ноющей горечью вкус ревности.

В телефоне звякнуло сообщение, и я увидела приглашение в друзья из соцсети. Протёрла глаза. Меделин Кроннен-Стоу? Вот уж помяни дьявола…

* * *

Мой палец завис над сенсорным экраном. Принять? Нет?

Говорят: «Держи друзей близко, а врагов ещё ближе». Ой, как не хочется! Но Джек популярно объяснил, что его бизнес зависит от этой пары пауков Кроннен-Стоу. Вряд ли мой любимый мужчина будет счастлив, если с трудом выстроенное им благосостояние развалится из-за меня. Что ж, придётся сохранять хорошую мину про плохой игре.

Я подняла глаза на мистера Уилла. Он улыбался спокойно и беззаботно, почти как фигурка бирманского старичка для

чайной церемонии, которого называют Сунь Лунь. И одной его улыбки хватило, чтобы решиться. Я ткнула на «Подтвердить», и тотчас пришло приглашение на очередной Ивент: Собрание Женского Клуба.

Боже! За что мне это?!

– Проблема решена? Или возникла новая? – спросил мистер Уилл.

– Кажется, меня хотят заполучить «Стэпфордские жены», – ответила я. – Пленить, поработить, пережевать и выплюнуть, если осмелюсь не гармонировать с их рационом.

– О, как интересно! И как же вы относитесь к такому приключению? – воскликнул мистер Уилл, потирая сухие ладони.

Уж точно не как к приключению…

– Кажется, я буду вынуждена присутствовать, – печально произнесла я.

Свет стал не мил. Ноябрьское солнце обиделось и спряталось за небоскрёб. Всё мигом посерело.

– Отчего такое уныние во взгляде? Уберите его сейчас же! – сказал Уилл. – Надо ко всему относиться, как к приключению. Но, помилуйте, какое приключение без злыдней и тиранов?

Он смотрел на меня радостно и задорно, будто и не шутил вовсе.

– Воистину никакое, – с удивлением заметила я.

– Зачем вам «никакая» жизнь? – рассмеялся старичок. –

Это же скучно!

– Боже, мистер Уилл, я вас обожаю! – ответила я и одним махом приняла приглашение на Ивент.

И ничуть не страшно! В крайнем случае оставлю записку, где искать. Не прикопает же меня Меделин в самом деле!

Солнце за окном вновь выскользнуло из укрытия и заиграло лучами на стёклах, закрывающих ячейки с винными бутылками.

– О, Александра, вашему жениху ещё придётся ко мне ревновать, если пойдёт такими темпами! – приосанился мистер Уилл, внезапно помолодевший. – Знаете такого чудесного хитреца – Карлоса Кастанеду?

– Слышала немного.

– Вам стоит почитать на досуге! Первые две книги не рекомендую, а вот «Путешествие в Икстлан» – замечательная вещь, местами очень полезная. Так вот, – сказал старичок и с удовольствием причмокнул, – Кастанеда, точнее Дон Хуан, о котором он пишет, говорит: «Найти настоящего Тирана – большая удача! А то везде сплошные мелкие тиранитос». Скажите, вам посчастливилось?

Я засмеялась.

– О, я ужасно удачливая!

– Счастлив за вас! – произнёс мистер Уилл с таким видом, словно поздравил с вручением Оскара.

Причём так искренне, что я и сама почувствовала себя невероятной счастливицей. Тиран в образе ведьмы Меделин

– разве это не удача? Интересно, а другие дамы из клуба – тиранитос или только васаллос[10]?

– А теперь давайте перекусим, – сказал Уилл и раскрыл, наконец, меню. – Я всегда хожу сюда завтракать. Рекомендую обратить внимание на десерты. Лимонный пирог здесь исключительно хорош!

Я согласилась и заказала себе пирога. Попросила завсегдатая рассказать о Вольфганг Стейк-хаузе – для блога. И мистер Уилл со смаком поведал мне на диктофон все «за» и «против». День, кажется, задался!

Настроение благодаря моему мудрому собеседнику теперь стало приподнятым и боевым. «Но пасаран» и вообще… Ура! Да здравствуют тираны!

---

[10] От исп. Vassalos – подчиненные

Глава 9

Учитывая, что Гугл поведал об американских женских клубах так, словно ему жалко было, я отправилась на обед по указанному адресу, надеясь на одно: меня не зовут в Belizean Grove – тайное общество для женской элиты. Ролики о нём в Ютубе говорили исключительно о теории заговоров и сопровождались мистической символикой, от которой мороз полз по коже.

Однако меня радовало, что до таких верхов, которые туда принимают, я однозначно не доросла. Ничем. В сером с красными вставками костюме, купленном ещё в России, я ступила на крыльцо белого здания, смахивающего высоким фундаментом и арочными окнами под два метра на мой университет.

Длиннорукий темнокожий юноша, плавный и гибкий в движениях, словно танцор, принял моё пальто и проводил в светлую залу, которую уже оккупировали разнокалиберные дамы. Около пятнадцати элегантных и так себе женщин сидели в белых креслах и на горчичных диванах, контрастирующих с красным паркетом и лазурным, с золотыми узорами ковром.

Столики, тумбочки и камин под большим прямоугольным зеркалом были украшены цветами в вазах. На голубых стенах – картины, что-то из модернизма. Всё светлое и яркое,

будто предназначенное для того, чтобы гостьи забыли, что за окном поздняя осень.

Я вошла в апартаменты, улыбнулась всем и никому одновременно, и волнение ушло совсем. В душе осталась лишь задорная дурнинка, как у юного тореадора на арене.

Моя подружка Таня говорит, что во мне умерла актриса. Наверное, так и есть. Ещё в школьных спектаклях или в балетной школе до сцены я жутко тряслась, а оказавшись перед людьми, расслаблялась. Просто понимала, что бояться поздно – вот они, уже смотрят на меня, – и начинала отрываться. Думаю, на этом мы и с Джеком спелись – на первом выступлении на столах, когда он произносил пламенную речь перед торговыми на ростовском заводе, а я так же огненно переводила.

Я улыбнулась ещё шире и, выцепив Меделин взглядом среди женщин, направилась к ней, неся себя, как подарок.

«Обожаю тиранов! Ты ж моя золотая тираночка! Красавица-умница, чтоб тебя!» – подумала я, сияя.

Меделин замешкалась. Удивилась моей проворности? Нет, ну а зачем носочком пол ковырять? К чести королевы, она оправилась уже через пару моих шагов, распахнула объятия и подарила пару неприкасаемых поцелуев воздуху рядом с моими щеками. Наверное, воздуху было приятно… Затем королева повернулась к присутствующим и объявила:

– Дамы, рада представить вам леди Александру Лозанину, невесту Джека Рэндалла, инвестора и одного из ведущих

менеджеров корпорации «Софт Дринкс Компани».

– Леди? Из России? – изумилась пухлая дама с высветленной завивкой. – Разве там не одна мафия?

– Из России, – бойко сказала я за Меделин, – точнее из Ростова-на-Дону. Одного из самых криминальных городов страны. Увы, мне не повезло ни с одним бандитом в родословной.

Дама хлопнула густо накрашенными ресницами, а Меделин взяла меня под локоть и подвела к креслу напротив.

– Наша юная гостья пошутила. На самом деле, она благородных кровей, – заметила королева и со сладкой улыбкой добавила: – Если, конечно, и с этим тоже не пошутила…

– Что вы! Как можно?! – ответила я и положила ладонь на подлокотник, как в суде на Библию. – Говорю только правду и ничего, кроме правды.

Дамы моргнули и уставились на меня, однако парочка помоложе, на диванчике за камином расхохоталась. Я перестала дурачиться и сказала расслабленно Меделин:

– Я очень благодарна вам за приглашение, Меделин! Простите, если шучу неуместно, но я полагала, что Женский клуб – это нечто менее официальное, чем Гала-ужин.

– Да, сегодня менее, – ответила Меделин и царственно приземлилась в кресло с высокой спинкой в центре зала. – Не смущайтесь.

Тот же чернокожий юноша принялся разносить на серебряном подносе чай и десерты. Меделин продолжила:

– Я и члены нашего клуба хотели бы больше знать о России, и коль скоро у нас есть возможность услышать всё из первых уст, мы не смогли отказать себе в удовольствии. Надеюсь, вы удовлетворите наш интерес, Александра?

– Сколько угодно, – ответила я. – В обмен на истории от вас. Иначе получится интервью, но мы ведь не в гостях у Опры.

Меделин вскинула брови, затем сказала:

– Отчего бы и нет? Дамы! Прошу, представляйтесь и задавайте мисс Александре ваши вопросы, но будьте готовы ответить и сами.

Я обвела взглядом чужие, разновозрастные лица, глядящие на меня с интересом и непониманием. Кажется, их объединяло только финансовое положение. И страх Меделин. Дамы молчали, некоторые натянуто. А королева созерцала вотчину. Смешно.

– Признаюсь, это неожиданный для меня формат общения, но давайте не будем погружаться в официоз. Прошу, называйте меня Сандрой. Так короче и привычнее, – сказала я, чувствуя в себе чёртика. – Что я могу сказать о моей стране? Наверняка вы знаете, что Российская Федерация занимает девятую часть всей суши на Земле, и поэтому проще из моего города слетать в Париж, чем во Владивосток. Однозначно дешевле.

– А Сибирь от вас далеко? – спросила темноволосая хохотушка с белой кожей и голубыми глазами. Если б не чуть

по-лошадиному вытянутое лицо, она была бы красавицей. – Я – Эмили Плант.

– Приятно познакомиться. Далеко и очень. Никогда там не была, хотя до сих пор мечтаю посетить Байкал. Мой дядя живёт в тайге, и я видела его всего два раза в жизни. Сибирская тайга – удивительное место, можно буквально заблудиться в трёх кедрах. Стоит свернуть с тропинки, и вы уже не найдёте дорогу обратно.

– Это ужасно! Там же медведи! – воскликнула рыжеволосая женщина средних лет с тонкими губами на бледном лице. – А чем вы занимаетесь?

– Боже, Джессика! Зачем делать что-то самой, если Сандра уже сделала то, о чём многие только мечтают? – вставила невысокая блондинка.

Рыжая Джессика недоуменно моргнула.

– Что?

Блондинка передёрнула плечами, раздражаясь на непонятливость:

– Нашла богатого жениха! И вот она уже не в тайге, а тут – в элитном прайвит-клубе на Манхэттене! – и протянула мне руку. – Я, кстати, Уоллис. МакГонагал. Мой муж работает в Глобал Сакс.

– Я не была в тайге, но надеюсь побывать. Судя по фотографиям, там очень красиво. Я переводчик-лингвист, и пока только осваиваюсь в Штатах, я решила начать свой блог. Поэтому, надеюсь, вы расскажете мне о своих любимых местах

в Нью-Йорке? Где вам уютнее всего?

– Хм… наверное, в этом клубе, – пробормотала рыжая и как-то неловко обернулась.

– Хай-лайн парк, – вставила черноволосая хохотушка. – Там здорово даже осенью.

– Я – Лили Джордан. Говорят, вы работали секретаршей мистера Рэндалла? – поинтересовалась стройная девица с хитреньким лисьим лицом. – Отчего же он решил на вас жениться?

Я сглотнула. М-да… разговорчики о России.

– И даже развёлся скоропостижно с Моникой. Она же такая красотка! Хоть и без манер… – добавила хищная шатенка, забыв представиться.

– А Моника, как говорил адвокат, требовала отдать шикарный особняк в Саус-Гэмптоне! – встряла в разговор румяная особа в платье от Прада, на который сыпались крошки от маффина.

– И картину Пикассо, – продолжила хищная шатенка.

– Джек Рэндалл – это тот самый горячий брюнет, который танцевал вчера танго? – захлопала ресницами рыжая Джессика. – Он разве не с Кристалл Уокер встречался? Моделью из Вог?

– А я видела его с Белиндой Кардайл в Яхт-клубе, – сказала похожая на лису Лили. – Совсем недавно!

– Нет, он встречался с Роуз Митчел, – с французским акцентом сказала худенькая женщина лет тридцати. – Извини-

те…

– Разве? А не с Энди Уитакер?

Интересно, они что, слетелись поклевать меня? Или всё, чем интересуется Женский клуб – сплетни, уходящие в штаны Джека? Надо бы ему на них тесёмки пришить с секретом… чтобы только я знала, как развязывать. Я взглянула на Меделин. Та довольно улыбалась. Уж не она ли дирижёр сего оркестра?

Кулаки мои сжались.

«Скрежет зубовный тебе не услышать, дорогая моя стервятница, – решила я. – И вам всем, курицы от кутюр».

– Вы бы спрашивали по очереди, дамы, я не успеваю записывать, – хмыкнула я беззаботно. – Но из того, что успела. Да, я была секретарём. Да, развёлся. Да, отдал особняк и Пикассо. А ещё купил завод в России. Из-за меня. – Я сделала паузу, глядя на отрихтованные пластикой лица. – Вы спрашиваете почему? Дело в сексе. Он у нас на десять баллов. Вперёд любой его бывшей и нынешней. А ещё в загадочной русской душе.

Дамы раскрыли рты. Я взяла чашечку с чаем с подноса и посмотрела с усмешкой:

– Ещё вопросы будут?

Меделин тоже взяла фарфоровую чашечку холёными пальцами и с укором покачала головой:

– Дамы, если мы договаривались спрашивать о личном, это не значит – о таком. Вы заставляете меня краснеть. – Она

повернулась ко мне и мило улыбнулась: – Простите их, Сандра! Вы наделали вчера столько шума своим танцем. И эффектным объявлением о помолвке. Тем более, что речь идёт о Джеке Рэндалле. Это всегда интрига, кого он выберет в следующий раз… Прошу, не сердитесь! Расскажите нам о ваших увлечениях.

«Открутить бы вам всем головы», – подумалось мне, но я вовремя вспомнила, что тиран на пути – большая удача. Хм, значит, это бесплатный тренинг на вшивость и моральную устойчивость, ещё и плюшками угощают. Ладно…

– Пустяки! У нас тоже любят посплетничать, особенно женщины старшего возраста, – ответила я с лучезарной улыбкой. – У меня много увлечений: балет, литература, искусство, поэзия… Что вы скажете о стихах Роберта Фроста?.. А о влиянии Михаила Барышникова на американский балет?

* * *

Я мыла руки в голубом с золотом туалете и, глядя на себя в зеркало, думала: можно ли уже закругляться или встреча со звездой не окончена. Впрочем, никто меня здесь не держит. Когда курицы получили свою порцию жареного, они заквохтали о привычном: о кино, сериалах, о блюдах, моде и светских мероприятиях. Михаила Барышникова, как ни странно, многие из дам признали, но не как руководителя Центра искусств на 37-й улице Нью-Йорка, а как актёра, сыграв-

шего роль одного из любовников главной героини в «Сексе в большом городе». И то хлеб. Так или иначе, но знаменитый танцовщик стал краеугольным камнем, после которого агрессия сошла на нет. Поставлю свечку за его здоровье и обязательно загляну в этот Центр искусств.

Пока я размышляла, вошла молодая женщина лет двадцати семи, среднего роста, с каштановыми волосами до плеч и зеленовато-карими глазами. Симпатичная, с тонкими чертами лица и неестественным румянцем на щеках. Удивительно, но я и не заметила её в курятнике Меделин.

Женщина с таким изяществом и воистину лебединой шеей диссонировала с пластиково-ботексной красотой американских дам. Минимум косметики, богемный балахон в бирюзово-бутылочных тонах, в таких же оттенках крупный камень в виде неправильного овала, подвешенный на длинной золотой цепочке.

– Вы хорошо держите удар, Александра, – устало сказала она с лёгким британским акцентом и закурила. – Я – Тэйлор Джонсон. Можно просто Лорри, хотя терпеть не могу сокращения. Но вы произвели фурор! По крайней мере, на меня. Благодаря вам на собрании заговорили о Барышникове! С ума сойти! Я даже ущипнула себя пару раз…

Я пожала плечами и немного отстранилась от резкого запаха.

– О, простите! – Тэйлор опустила сигарету под воду и развеяла рукой дым. – Всегда тянет покурить и выпить после

этого… хм… действа. И не только меня. Джессика, по-моему, скоро сопьётся.

– Зачем же вы посещаете?

– Думаю, за тем же, что и вы, – кисло улыбнулась Тэйлор. – Ноблесс оближ[11]. Мой муж работает под началом Рупперта Кроннен-Стоу, а я выкладываю деньги на благотворительность, посещаю этот кошмар и делаю вид, что существую. Как говорил тот же Барышников в недавнем интервью, «человек – то, что его окружает». Я сижу порой здесь и думаю: что окружает меня? Неужели я тоже ЭТО?!

– Поверьте человеку со свежим взглядом – нет.

– Надо же… Спасибо, – вздохнула Тэйлор и вдруг взглянула на меня с надеждой. – Как вы смотрите на то, чтобы посмотреть частную коллекцию картин мистера Барышникова? До четвёртого декабря они выставлены в ABA Gallery…

– Картины самого Барышникова?! – воскликнула я, удивившись предложению. – Это было бы чудесно!

– Боже, ты существуешь! – вознесла к натяжному потолку руки Тэйлор, её глаза вдруг ожили.

В туалет вплыла Меделин и одарила нас улыбкой. Тэйлор сразу потухла и вновь окислилась. Я вытерла руки бумажным полотенцем, а новая знакомая протянула мне визитку.

– Звоните в любое время!

И я, глядя в большие глаза британки, поняла, что повезло не только ей. Кажется, у меня появится второй друг! Первым

---

[11] Французский фразеологизм: Noblesse oblige – Положение обязывает.

я уже считала окончательно и бесповоротно мистера Уилла, и, честно говоря, мне не терпелось увидеть его снова за завтраком в Вольфганг Стэйк-Хаузе, чтобы рассказать о встрече с мадам Тираншей и ее вассалос. Ведь партия вроде бы удалась!

Меделин вышла в холл вслед за нами, ласково коснулась моего локтя. Обдало духами Шанель № 5 и холодом.

– Надеюсь, Сандра, вы ещё посетите наш клуб. Пока вы не можете стать полноправным членом, но моё приглашение всегда в силе. Для вас я готова сделать исключение.

– Спасибо, очень любезно с вашей стороны, – ответила я и покривила душой. – Буду рада, особенно разговорам об искусстве.

– Я поставлю вас в известность о следующей теме дополнительно, – снизошла до ещё одной ласковой улыбки Меделин.

– Надеюсь, что я буду не занята.

И под аплодисменты, плещущиеся в глазах Тэйлор, я направилась к выходу.

Воздуха мне! Свободы! Выхлопных газов!

Нью-Йорк обдал меня ветром с запахом моря, пощипал щеки морозцем. Я улыбнулась ему искренне и чисто. И не стала ловить такси, а пошла пешком в сторону 42-й улицы, следуя точным указаниям Гугла. На такси город не узнать вдоль и поперёк, а я планирую здесь обосноваться.

Нельзя сказать, что тяжесть неприятных вопросов сразу

выветрилась, она ещё ворочалась неприятным, неудобным комом сомнений в груди и мыслями о том, стоило ли вообще отвечать. В душе что-то отсвечивало тревогой, но я торопилась переключиться.

Ведь хорошо, как же хорошо на улице! Милый седой афроамериканец, продающий хот-доги, милые таксисты, чудесная суета! Живая! Такая отличная от элитного склепа сознания в голубых и золотых тонах! Я вдохнула широкой грудью.

И вдруг сзади кто-то коснулся моего предплечья.

– Сандра!

Я обернулась.

Тэйлор в не менее богемном горчичном пончо с лазурным платком на шее, запыхавшись, улыбалась, как девчонка.

– Я тоже сбежала!

– Здорово! – подмигнула я и, глянув на время на смартфоне, сказала: – А пойдёмте пить нормальный чай-кофе-молоко где-нибудь не здесь!

– И ещё бы съесть чего-нибудь серьёзного… – кивнула Тэйлор.

– И поговорить…

Она снова воздела очи к небесам и покачала головой:

– Боже, ты всё-таки есть!

И мы, как две школьницы, сбежавшие с занятий деспотичной училки, разрумянившиеся и взъерошенные ветром, почти побежали в сторону Бродвея – туда, где вернисаж и уютное кафе. Мимо нас катил тележку с пожитками коло-

ритный бомж, за углом читал рэп юный латинос, а на улице напротив медленно полз в пробке чёрный лимузин. Нью-Йорк – город контрастов! Кажется, я его уже люблю!

Глава 10

Тэйлор болтала без умолку, попивая уже третий бокал белого вина с сильным мускатным запахом и едва притронувшись к экзотической рыбе под белым соусом.

– Как я скучаю по Лондону! Ты бывала в Сохо? Нет? – Её движения утратили скованность и усталость, словно с англичанки сняли путы, и теперь моя новая компаньонка жестикулировала и взахлёб рассказывала о родине. – Сохо – самый лучший квартал в мире! Там всё пропахло временем, стариной! И культурой. Даже магазины, я уже молчу о вернисажах и галереях! А эти антикварные магазинчики! Боже, там можно найти сокровище за десять фунтов! Клянусь!

– А разве здесь нет галерей? В путеводителе по Нью-Йорку я их насчитала не один деся…

– Нет-нет-нет! Это совсем разные вещи! Разный… – Тэйлор пощёлкала пальцами, подбирая слово, – дух! Да, дух совершенно иной. Здесь столько снобизма, манерности, всё ради имиджа. – Она привычно закатила глаза к потолку. – А в Лондоне люди другие.

– Они везде, наверное, разные и одинаковые одновременно, – улыбнулась я.

Глянула на часы: как ни приятно было общаться, ещё полчасика и надо возвращаться домой. Хоть Джек и говорил о покупных закусках, «русская хозяйка» ёрзала в душе и за-

ставляла думать, что бы такое я могла приготовить сама, чтобы порадовать любимого и гостей.

Филипп был обозначен моим любимым мужчиной как брат. А значит, предстоит встреча почти с роднёй. Интересно, почему мы до сих пор не встретились с мамой Джека? Надо спросить.

Тэйлор замотала головой, её каштановые с рыжинкой пряди, блестящие, как у модели с коробки краски для волос, взвились, локоны в художественном беспорядке спружинили и рассыпались ещё в большем инди-стиле.

Мне нравилось это в ней – отсутствие прилизанности при хорошем вкусе. Хотелось научиться быть хоть немного элегантно-небрежной, как она.

– Ты не права, Саша! – воскликнула Тэйлор.

Чертовски приятно было побыть немножко не Сандрой, а просто Сашей в чужих устах.

– Культура, я говорю о культуре! Даже британский садовник спросит вас о погоде, как и почтальон, продавец, соседка из дома напротив, а здесь нет. Все торопятся! Сокращают, сокращаю, сокращают. Хотя при этом сказать «дерьмо собачье» не зазорно даже в якобы светской беседе! Слышала не далее, как вчера… – Тэйлор постучала тонким пальцем по стеклянному тюльпану бокала. – Ты точно не хочешь выпить?

– Нет, я не люблю спиртное, плюс мне нужна свежая голова вечером.

Я была пока не готова признаться моей собеседнице в беременности, некоторые тайны не стоит вываливать даже тем, кто нравится с первого взгляда.

– Много теряешь, вино превосходное! Но я не осуждаю тебя, пока ты говоришь языком Шекспира и не сыплешь постоянным «дерьмом» через слово. Да-да, уверяю, ты не дождёшься от меня даже укора во взгляде! – провозгласила Тэйлор, как манифест, с бокалом в руках. – Я не Меделин!

– Кстати о ней. – Я облокотилась о клетчатую скатерть на круглом столе у окна итальянского ресторанчика. – Ты хорошо её знаешь?

– Нет, Бог миловал. Так, обычные сплетни. И то, что миссис Кронен-Стоу говорит журналистам. Обычно это одно и то же. Она по капле выверяет, что можно о ней болтать, а что нет. Думаю, удавку для болтливых она постоянно носит в своей сумочке из крокодиловой кожи.

– Что ж, надо почитать светскую хронику. А у них с Руппертом есть дети?

Тэйлор привычно закатила глаза, вспоминая, потом посмотрела на меня.

– Дочь, ей двадцать. Джуди. Видела её много раз – красотка, не такая, как мать, но всё же. Однако крошка Джуд уже успела поучаствовать в парочке скандалов.

– В связи с чем?

– В связи с интрижкой с каким-то великовозрастным французом. Не помню, он – дипломат или кто-то, просто ра-

ботающий в консульстве. Француз теперь ни ногой в Штаты, тут его посадят за совращение несовершеннолетней. Был ещё случай с автомобильной аварией, но её семейство Кроннен-Стоу быстро замяло.

– Девочка не пострадала?

– Нет. Парню-пассажиру они выплатили компенсацию.

– Хорошо, когда есть чем платить, – заметила я.

– Да. Но думаю, что Меделин далось это не легко, ведь её сын разбился насмерть, когда ему было восемнадцать.

– Какой ужас! – обомлела я и автоматически схватилась за живот. – Это случилось недавно?

– Давно. Мне по секрету рассказала Джессика, а та узнала ещё из третьих уст. Мир ведь тесен. Говорят, после смерти сына Рупперт и Меделин были на грани развода. Наверное, поэтому он тогда разрешил запуск провального нового продукта, а потом спохватился, и тот кошмар бесплатно меняли потребителям на стандартные бутылки Оле-Олы.

– Надо же, как всё взаимосвязано…

– Да-да, компания потерпела огромные убытки. А потом Рупперт и Меделин пережили и это, и с тех пор их иначе, как вместе, не представляют. Хотя многим ой как бы этого хотелось! Знаешь, Меделин довольно быстро оправилась от потери, – продолжала Тэйлор. – Даже помолодела, будто вампирша. Сейчас и не скажешь, что она пережила такую трагедию. Высокомерная, как мраморная статуя богини, бррр…

В моей груди что-то сжалось и тенью легло на внезапное

сочувствие Меделин, захватившее сердце. Трагедии меняют людей. Кто-то становится темнее, кто-то светлеет, одни ищут Бога, другие поддаются внутренним демонам. Каждый выплывает, как умеет. И я мысленно поставила себе на заметку – проверить, когда именно это произошло. Гугл наверняка подскажет…

– Мне жаль, что с семьёй Кронен-Стоу такое случилось! – пробормотала я. – Терять детей страшно.

– Ладно, не будем о грустном! – улыбнулась уже совсем по-хмельному Тэйлор. – Давай лучше закажем десерт.

Я снова взглянула на часы.

– Прости, мне нужно торопиться домой. Скоро вернётся Джек.

– Жаль, Саша. Но спасибо за компанию! Я давно так не расслаблялась, – вздохнула Тэйлор. – Наш уговор о выставке Барышникова остаётся в силе?

– Да, конечно! Завтра в три. Если вдруг мой жених не удивит меня другими планами. Я напишу тебе в мессенджере, – улыбнулась я, подзывая официанта. – И обязательно спрошу тебя о погоде!

* * *

Уже в такси мой смартфон в руке завибрировал – я так и забыла поставить его на нормальный звук.

– Мисс Александра Лозанина? – прозвучал приятный

женский голос и, удостоверившись, что это я, продолжил: – Меня зовут Шерил Коллен, я секретарь господина Рэндалла. Он просил передать вам, что вечерняя встреча с господином Филиппом Монпелье отменяется.

Я опешила.

– А почему он не позвонил мне сам?

– Господин Рэндалл занят. На совещании. Скорее всего оно закончится поздно, – ласково проговорила Шерил.

А у меня запершило в горле. Так обычно бывает, когда слушаешь того, кто фальшиво поёт. Хм…

– Спасибо, Шерил, – ответила я.

Вечер внезапно освободился, можно было не думать о закусках и не суетиться на кухне, однако было неприятно. Возможно, от этого звонка… Бросить смску или потратить несколько секунд на звонок – это проще и быстрее, чем дать задание секретарю.

А, может быть, нехорошо мне стало от мысли, что не я, а кто-то другой теперь будет гораздо больше знать о моём Джеке. И я пожалела о том, что он меня уволил. А в голове под музыку из радиоприёмника такси запрыгали имена: Моника Рендальез, Кристал Уокер, Роуз Митчел, Белинда Кардайл, Энди как-то там, теперь ещё Шерил Коллен. И, конечно, госпожа Меделин Кроннен-Стоу. Кто из них знает о Джеке Рэндалле больше всего? Кажется, точно не я…

* * *

Я не знала, что пока мы беседовали с Тэйлор, у Джека состоялась совсем иная беседа на двадцатом этаже в офисе корпорации.

– Мой мальчик, – говорил Рупперт Кроннен-Стоу, сидя в высоком кожаном кресле за массивным столом из дерева и стекла, – вернёмся к вчерашней теме. Акционерам вряд ли понравится подобная импульсивность.

– Разве есть претензии к моим деловым качествам? – сухо ответил Джек. – Моя личная жизнь никого не касается. Пусть завидуют.

– Но-но, даже президентам не прощается развод. Но тут хуже. Подумай, захотят ли наши вкладчики видеть в совете директоров человека, который не успев развестись, женится на секретарше?

– Это взвешенное решение, – отрезал Джек.

– Мне всегда по нраву то, что у тебя есть собственное мнение и дерзость, – сплёл пальцы в замок мистер Кроннен-Стоу. – Даже не дерзость, а безлимитная наглость. Пуэрториканца с Нью-Йоркских улиц. Но здесь другие правила, если ты забыл.

– Я помню. Однако экс-президент Франции развёлся, и России тоже, – буркнул Джек.

– Там при этом акции на бирже не обваливаются. А рей-

тинг страны и её президента – это сущая ерунда, не так ли? – Рупперт покачал головой. – Заметь, ты пробыл в России всего ничего, а уже несёшь не присущую тебе чушь. Эта страна меняет умы, запутывает, из структуры и дисциплины делает хаос. Недаром Наполеон говорил: «В России нет дорог – только направления».

– С дорогами там действительно всё плохо, – усмехнулся Джек, – но тот же Наполеон, хотя в стратегическом мышлении он был полным кретином, сказал: «Если бы у меня были казаки, я бы завоевал весь мир». Сандра из казаков, и, думаю, это о многом говорит.

– Скажи, ты будешь каждый раз цитировать Наполеона на фондовой бирже на Уолл-стрит?

– Достаточно дать интервью раскрученному изданию. Остальные сами растащат на цитаты. Брокеры в том числе.

– Уверенность в себе – это прекрасно, самодовольство – тупо, – поджал губы Рупперт Кроннен-Стоу. – А теперь подумай о том, как будут звучать твои заявления, когда США выставляет санкции против России, Россия – против США и цивилизованного мира. Заметь, продовольственные санкции! МакДональдс убрали свои точки из Крыма, а ты подаёшь авансовый отчёт с командировкой оттуда. Светишься на публике, и твои фото мелькают где попало.

– Я не такая звезда, – покачал головой Джек, – чтобы за мной охотились папарацци.

– Сегодня довольно соцсетей и пронырливого подростка с

миллионом подписчиков. Хорошо, что это прошло незамеченным, но старый зануда Поллански заметил. И задал вопрос.

– У корпорации там бизнес в любом случае. А у него всего пять процентов акций. Плевать.

– Не всего, а аж! – резко парировал глава корпорации. – А ты ехал закрывать завод, если мне не изменяет память.

– Допустим. Но на месте я счёл это решение недальновидным. Если я не буду принимать решения сам и нести за них ответственность, что за хреновый менеджер из меня получится?

– Речь идёт об импульсивности. Иногда твой темперамент наносит вред компании.

– Не тогда, когда её филиалы захлёбываются в кризисах и цветных революциях.

– Всё хорошо в меру. И своевременно.

– Возможно. И ещё. Данное во всеуслышание и невыполненное объявление о помолвке – ещё хуже, чем скоропостижный развод! – сверкнул глазами Джек.

– Некоторые помолвки длятся больше года, и это нормально. Достойный брак – это как слияние двух корпораций, должен быть проанализирован и не скоропалителен. Тебе рассказать истории крахов некоторых мировых холдингов, которые не продумали целесообразность слияния? Одни выжили, от других не осталось камня на камне.

– Я знаю наизусть ваш любимый пример о Комкаст и Дис-

нее! И я не обязан отчитываться, чёрт побери! – Джек вскочил с кресла и зашагал по просторному кабинету на 5-й Авеню.

– Обязан, Джек, обязан. Как член совета директоров. И если ты собираешься выставить на IPO[12] акции завода в Ростове-на-Дону после реструктуризации в ближайшее время, ты рискуешь провалить всё предприятие. Так что придержи коней.

Желваки заходили по щекам Джека, глаза зло сощурились, и он выпалил:

– Придерживать коней некуда. Мы ждём ребенка!

– Вот как! – откинулся на спинку кресла Рупперт Кроннен-Стоу. – Тогда, конечно, женись. Поздравляю! Что за пустяки какие-то акции по сравнению с семейным счастьем!

– Спасибо. – Джек направился к двери.

Рупперт крикнул ему вслед:

– Только ты уверен, что оно будет? Это семейное счастье? Вспомни себя пять лет назад, перед свадьбой с Моникой…

Джек не дослушал и вышел в коридор, с трудом сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. В сверкающем металлом и камнем туалете дал пару выйти – подфутболил серебристое мусорное ведро и ударил кулаком в стену.

– Достали!

---

[12] от англ. Initial Public Offering – первая публичная продажа акций акционерного общества, в том числе в форме продажи депозитарных расписок на акции, неограниченному кругу лиц.

Глянул на своё отражение – багровые щёки и лоб, ярость в глазах, и почувствовал, как хочется обратно – в провинциальный город на Юге России, где всё было просто. Дома Сандра, маленькая умная куколка, которая снова встретит его немым вопросом. Вслух не скажет, но он не дурак. Надо было поставить всех перед фактом. Он и сейчас поставит назло всем, а Моника… В душе поднялась на поверхность пеной давно осевшая желчь. Джек сглотнул, даже рот прополоскал, так горько стало внезапно от вспыхнувшей злости.

Вспомнилась она, красивая, жгучая, заставляющая кровь кипеть и пузыриться от радости. А потом такая же кипящая боль от предательства. Сколько он тогда выпил, чтобы заглушить её? Декалитры… Спал и просыпался в обнимку с бутылкой виски.

Джек ополоснул лицо холодной водой из-под крана.

С Сандрой он чувствовал себя иначе. Как? Он не мог определить. Просто было хорошо до восторга и трепета, а потом снова спокойно, словно на рафтинге по горной реке. Чистой, прозрачной, сладкой и непредсказуемой. Балерина ждёт его!

Джек зашёл по дороге в свой кабинет, сказал Шерил, что уходит. На выходе из здания столкнулся с Меделин. Обрадовался.

– О, Джек! Здравствуй! – Она по привычке была сдержана на людях. – Как дела? Чем-то расстроен?

– Всё в порядке.

Она коснулась рукой его запястья, и как всегда, это прикосновение было приятным.

– Мы договорились встретиться с Руппертом, но я приехала немного раньше. Если хочешь, давай выпьем по чашечке кофе. Ведь у нас так и не было возможности нормально поговорить с твоего приезда.

Джек взглянул на часы. Меделин ласково улыбалась, и это было так привычно и хорошо, что он кивнул. Да и разве мог он ей отказать?

– Я видела сегодня твою невесту, – заметила она, усаживаясь в плетёное кресло в Джэйд – баре, похожем на зимний сад, где всё, даже потолок, утопало в зелени.

Джеку нравилось тут – будто тропики, как в детстве, в Сан-Хуане.

Меделин добавила своим льющимся певучим, грудным голосом:

– Она очень умна.

– Спасибо. Ваше мнение для меня много значит. – Джек немного охрип, ему не хотелось обсуждать Сандру с Меделин, но с другой стороны, у той в любом случае находился мудрый совет. И мнение часто шло вразрез с мужем. Заказал официанту: – Два кофе, как обычно.

Меделин улыбнулась.

– Да, она очень сообразительна. И, честно говоря, я восхищаюсь тем, как умело она пользуется тем, чем одарила её природа.

Джек просиял. Закурил, расслабляясь. Меделин никогда не была против, но редко курила сама и тогда просила сигарету его любимого Данхилл, хваля запах.

– Она и меня не перестаёт удивлять, – признался он. – Во второй день в Нью-Йорке познакомилась с Дайонс. Поразительная везучесть.

– Несомненно. Очень хваткая девочка, – кивнула Меделин.

– Хваткая? – опешил Джек. – Нет, она совсем не корыстна.

– Дорогой мой. – Меделин наклонилась и коснулась его руки, лежащей на столе, – Ты так влюбчив. Любовь всегда слепит.

Джек незаметно отодвинулся, поджал губы.

– С Сандрой не к чему присматриваться. Она искренняя. Это редкость.

Меделин откинулась назад и взялась за подлокотники, не сердитая, но обеспокоенная.

– Она не попросила у меня ни цента, – сказал Джек.

– Но ты всё равно дал ей денег. Я знаю, насколько ты щедр. А она, несмотря на все свои титулы, о которых ты только вчера узнал, не богата. Очень не богата, да?

– Допустим. Я решил открыть для неё карту к моему счёту. Я ей доверяю.

– Прекрасно! Как я сказала, она очень умна. А умная женщина всегда поступает так, чтобы мужчина делал то, что она хочет, и был уверен, что принял решение сам. Сандра даст

Монике сто очков вперёд.

– Они вообще не похожи.

– Я бы очень хотела порадоваться за тебя, поверь! Но на самом деле не могу – больно видеть, когда близким мне человеком манипулируют. И я ничего не в силах сделать, увы.

Джек нахмурился и сжал кулаки.

– Прости, я больше ничего не скажу, – подняла, сдаваясь, ладони Меделин. Произнесла расстроенно: – Так и знала, что лучше промолчать. Но вырвалось, прости.

– Всё ясно. Вас тоже беспокоят только акции, – угрюмо буркнул Джек.

– Какие акции? – неподдельно удивилась она. – Нет, прости. Давай поговорим о другом…

– Договаривайте.

– Только если ты настаиваешь… Я пригласила Александру на встречу Женского клуба, решив, что девочке одиноко в чужом городе. Ты ведь в офисе и не слишком ей занимаешься. Но она меня удивила. И других дам тоже.

– Чем же? – напрягся Джек.

– Я не поняла, зачем было начинать знакомство с супругами многих твоих коллег с того, что это ради неё ты купил завод в России. И так многие этого не одобряют… Конечно, ей хотелось сверкнуть достижениями, но…

Джек стиснул зубы, чувствуя, как вновь закипает.

– И знаешь, она говорила о своей России, о Сибири, о чём угодно, она очень образована и развита, но когда её спросили

о ваших отношениях, она ни слова не сказала про любовь. Про секс – да… Странно.

Сигарета в пальцах Джека тлела, а он забыл о ней. Вспомнилось, что так же говорила о Монике мама после знакомства – ни слова про любовь… Сердце сжалось. Джек моргнул.

– Сандра не глупа и знает, что всё, что стало моим до свадьбы, не будет разделено после развода. Но это, фак, это вообще ерунда! – рявкнул Джек.

– Когда брат Рупперта спал с горничной, он тоже говорил, что это ерунда. А потом Лупе родила от него ребёнка и отсудила пожизненные алименты. Она живёт в собственной квартире на Манхэттене, а не в трущобах Нью-Джерси. И решила все свои проблемы. С больной матерью, к примеру…

Огонёк в сигарете дошёл до пальца Джека, тот вздрогнул, дёрнулся. Пепельница упала на пол с жутким лязгом.

– Спасибо, Меделин, но этого достаточно, – прорычал Джек. – Мне пора идти.

– Прости! Я не должна была! – в отчаянии воскликнула Меделин. – Это тебя не касается, успокойся! Вы ведь не собираетесь заводить детей сразу…

Джек выложил, молча, деньги на стол.

– Я буду казнить себя… – проговорила Меделин.

– Не стоит, – бросил Джек и ушёл.

В душе всё скрутило, в голове царил хаос. Он был зол на Рупперта, акционеров и брокеров всех вместе взятых. Он

был зол на Меделин, но нельзя было выбросить из истории тот факт, что в своё время она предупреждала его о Монике и оказалась права. До последней буквы и цифры. Она вообще всегда права. И не предавала ни разу.

Джек сел в машину. Коста, водитель, спросил: куда. И Джек застыл.

Сандра ждала его дома, а его раздирали сомнения. Самые царапающие из возможных. Он так привык не верить в любовь! Это было надёжно и эффективно, отношения с женщинами просты. И вдруг он размяк сердцем, растаял и расслабился с этой крошечной русской девочкой. Поверил. Открылся, как боксёр на ринге, не ожидая больше ударов. Неужели зря?

Сердце заныло.

– В Бронкс, – приказал Джек.

И автомобиль тронулся, рассекая фарами сгущающиеся сумерки. Не к Сандре, а прочь от неё.

* * *

«Телефон выключен или находится вне зоны действия сети», – в очередной раз сообщила мне автоматическая женщина, и я мысленно дописала её в список тех, кто может быть виноват в моей смерти. А растёт-то списочек! Сегодня пополнится новым именем или Джек пошёл по чеховским местам? Я сжала кулаки. Очень хотелось ему врезать, да…

Почти полночь. Вряд ли Джек заседает, если даже вежливая Шерил больше не отвечает на звонки. Называется, почувствуйте в себе Отелло. Вот разве только орудие убийства было трудно выбрать – такой ассортимент: сверкающие металлом сковородки, скалка, даже бита бейсбольная в гардеробе завалялась…

Я изнывала от беспокойства.

Может, в 911 позвонить? Или куда звонят по поводу пропавших в Америке?

Курица с картошкой по рецепту Таниной мамы давно остыла. Как и Танино по Скайпу: «Успокойся! Может, он и правда работает?» Где? В стриптиз-баре? А-а-а! Как же он у меня получит!

В полночь карета превращается в тыкву, кони – в мышей, а в моей квартире открываются двери лифта. Я вскочила с дивана в гостиной. В лифте стоял Джек. Какой-то перекособоченный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.